ЧЕЛОВЕК МИРА

Иван Ильин

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ • МИРОВОЗЗРЕНИЕ • ЦИТАТЫ

ЗА 60 МИНУТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данная книга — об Иване Александровиче Ильине, его жизни и творчестве, который, без сомнения, занимает одно из первых мест по степени неоднозначности и даже скандальности в глазах общества.

Она совсем небольшая, ее чтение займет не более часа… Однако каждый найдет в ней свое: для одних она станет первым знакомством с Иваном Ильиным, другим даст толчок для переосмысления, а кто-то напишет выдающийся реферат о великом русском мыслителе, бесстрашном человеке, истинном патриоте…

- Иван Ильин. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты
  - ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
  - МИРОВОЗЗРЕНИЕ. ОБЗОР ТВОРЧЕСТВА
  - ЦИТАТЫ
    - «ФИЛОСОФИЯ КАК ДУХОВНОЕ ДЕЛАНИЕ. ТРИ РЕЧИ»
    - «ПУТЬ ДУХОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ»
      - О ВЕРЕ
      - О ЛЮБВИ
      - О СВОБОДЕ
      - О СОВЕСТИ
      - О СЕМЬЕ
      - О РОДИНЕ
      - О НАЦИОНАЛИЗМЕ
      - О ПРАВОСОЗНАНИИ
      - О ГОСУДАРСТВЕ
      - О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
      - РЕЗЮМИРУЮЩИЕ
    - «ПУТЬ К ОЧЕВИДНОСТИ»
    - «АКСИОМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА»
    - «КРИЗИС БЕЗБОЖИЯ»
    - «О РУССКОЙ ИДЕЕ»
    - «О ПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЮ»
    - «ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ»
    - «ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ. КНИГА ТИХИХ СОЗЕРЦАНИЙ»
    - ИЗ СТАТЬИ «ЗАВИСТЬ КАК ИСТОЧНИК БЕДСТВИЙ»
  - Основные сочинения И.А.Ильина
  - Книги об И.А.Ильине

- ИМЕННОЙ СЛОВАРЬ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

Иван Ильин. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Глубокой осенью 1922 года пароход «Обер-бургомистр Хакен» увозил из России «цвет нации»: большую группу философов, ученых и литераторов в Германию. В числе прочих навсегда покидали родину Иван Александрович Ильин и его жена Наталья Николаевна. Они оказались не нужны новой России.

Понадобилось более 70 лет на то, чтобы Россия осознала глубину потери.

Третьего октября 2005 года в Свято-Донском монастыре завершилась Национальная акция примирения и согласия — освящение Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II закладного камня на месте будущей часовни в память о жертвах гражданских смут и братоубийственных распрей в Отечестве. В некрополе монастыря были погребены останки генерала А.И.Деникина, философа И.А.Ильина и их супруг. В том же 2005 году в России было собрано и переиздано 23 сборника трудов Ильина и снят фильм «Завещание философа Ильина»[1].

В мае 2006 года в Россию вернулся архив великого русского философа XX века Ивана Ильина. Иван Александрович завещал хранить свой архив за рубежом до тех пор, пока в России не закончится большевистский режим. Отныне наследие русского мыслителя — 37 коробок с рукописями, машинописными черновиками, личными вещами, фотографиями, книгами, картинами — будет храниться в библиотеке МГУ.

Родился Иван Александрович 28 марта 1883 года в Москве в дворянской семье. Жили Ильины тогда на углу Ружейного переулка и Плющихи. Его родители: отец — Александр Иванович Ильин, присяжный поверенный округа Московской судебной палаты, губернский секретарь: мать — Екатерина Юльевна, урожденная Швейкерт. Ее отец врач Ю.Ш. фон Штадион (Ю.Швейкерт) эмигрировал в Россию из Германии в 1830 году. (Его имя Ильин возьмет в качестве псевдонима для публикации некоторых своих работ на немецком языке.) Дед по линии отца строил большой Кремлевский Дворец, затем был его смотрителем и комендантом. Он был довольно близок к царской семье, крестным его сына (будущего отца философа) был Александр II.

Родители И.А.Ильина были люди образованные и очень религиозные. Они стремились дать сыну хорошее воспитание и образование. Проучившись пять лет в Пятой Московской гимназии, Ильин перешел в Первую Московскую гимназию, среди учеников которой были П.Н.Милюков, Н.С.Тихонравов, Вл. Соловьев и др. По воспоминаниям одного из одноклассников,

Ильин ничем особенным, кроме громкого голоса и широкой непринужденной жестикуляции, не выделялся. Никто и предположить не мог, что делом его жизни станет философия.

В 1901 году он закончил гимназию с золотой медалью. Получил прекрасное классическое образование — в частности, владел французским и немецким, а также изучил церковно-славянский и греческий — и возможность продолжить образование в Московском университете. Пятнадцатого июля того же года он подал прошение о зачислении его на юридический факультет (при том что, учась в гимназии, мечтал о филологическом). Естественно, был зачислен, и изучал право под руководством выдающегося философа- правоведа П.И.Новгородцева, который сумел пробудить у молодого Ильина интерес к философии.

Первые кандидатские сочинения Ильина были посвящены именно философии права: «Об идеальном государстве Платона», «Об учении Канта о „вещи в себе“ в теории познания». «О наукоучении Фихте Старшего издания 1794 года», «Идея конкретного и абстрактного в теории познания Гегеля», «Проблемы метода современной юриспруденции» и др. Особое внимание его привлекала философия Гегеля. Именно как специалист по творчеству Гегеля он приобрел известность в начале своей научной карьеры.

Окончил университет Ильин, так же как и гимназию, блестяще — был удостоен диплома первой степени. В сентябре того же 1906 года на заседании юридического факультета князь Е.Н.Трубецкой предложил оставить талантливого выпускника при университете для подготовки к профессорскому званию. Предложение было поддержано. Ильин остался на кафедре в научной школе П.И.Новгородцева, где вместе с ним трудились Марк Вишняк, в дальнейшем оставивший научную деятельность, и А.Н.Алексеев, ставший крупным правоведом и философом.

1906 год в жизни Ильина ознаменовался еще одним важным событием — женитьбой. Женился он на Наталье Николаевне Вокач. Она была образованной женщиной, близкой ему по духу: занималась философией, искусствоведением, историей. Молодая семья жила бедно. Зарабатывали только переводами: ни он, ни она не хотели жертвовать временем и силами, оставляя их для занятий философией. Семейный бюджет был расписан очень точно, вплоть до того, сколько денег в месяц они могут потратить на извозчика. Концерты и театр были для них непозволительной роскошью — при всей страстной любви Ильина к музыке и Художественному театру. По воспоминаниям родственницы Натальи Николаевны, Евгении Герцык: «…она нею жизнь делила

симпатии мужа, немного ироничная к его горячности. Он же благоговел перед ее мудрым спокойствием»[2].

Первым серьезным совместным трудом Ивана Александровича и Натальи Николаевны стати перевод работы Г.Зиммеля «О социальной дифференциации» (1908), книги Эльцсбера «Анархизм» и двух трактатов Руссо, которые им не удалось издать. В дальнейшем Ильин посвящал жене все свои основные труды.

В 1909 году Ильин сдал экзамены на степень магистра государственного права, был утвержден в звании приват-доцента после нескольких пробных лекций и начал преподавание на кафедре своего учителя П.И.Новгородцева, кафедре энциклопедии права, истории философии права. В то же время он начал читать лекции на женских юридических курсах и вести там семинары.

В 1910 году стал членом Московского психологического общества, в «Вопросах психологии» была опубликована его первая научная работа «Понятия права и силы». В университете приступил к чтению нового курса. Началась серьезная авторская работа. Научные журналы публиковали его первые труды.

В то время молодые преподаватели российских университетов обыкновенно получали возможность поехать за границу на научные стажировки. Ильин вместе с женой провел два года в Германии, Италии и Франции. Он работал в университетах Гейдельберга, Фрейбурга, Геттингена, Парижа, выступал с докладами на семинарах Г.Риккерта, Г.Зиммеля, Д.Нельсона. Э.Гуссерля. В общении с этими выдающимися философами Ильин постигал феменологический метод. В Берлинском университете он начал работу над диссертацией о философии Гегеля. Работая над ней, вышел далеко за рамки обычных требований к такого рода текстам.

В письме к Л.Я.Гуревич от 13 августа 1911 года он признавался: «Не хочется подходить к ней как к академическому испытанию и отодвигать на второй план ее научно- творческий характер. Хочется, чтобы она была Leistung[3], а не смазанная магистерская компиляция. Мечтаю издать ее потом по-немецки, ибо знаю хорошо, что она так же, как моя последняя работа о Фихте, никому не будет нужна в России. А в Германии может кому-нибудь и сгодится».

Вернувшись в Москву, Ильин продолжил свою работу в Московском университете. Издаются и его философские работы: «Шлейрмахер и его „Речи о религии“» (1912), «О любезности. Социально-психологический опыт» (1912), «О возрождении гегелианства» (1912), «Философия Фихте как религия совести»

(1914) и другие. Также опубликованы шесть его статей о философии Гегеля, вошедшие позднее в двухтомную монографию, ставшую его диссертацией.

Начавшаяся война с Германией и назревавшая революция в России не могли не затрагивать Ильина. Он обладал редким сочетанием абстрактного мышления, позволяющего распутывать сложнейшие периоды гегелевской, философии с обостренным чутьем социального мыслителя. Иван Александрович внимательно следил за политикой, за борьбой партий и группировок и активно участвовал и в политических событиях, и в размежевании в кругах российских интеллигентов, и в дискуссиях внутри философии.

Февральская революция 1917 года, воспринятая им поначалу как временные беспорядки, все же поставила его перед серьезной проблемой. В России рухнул привычный государственный строй. Свое отношение к произошедшему Ильин выразил в пяти небольших, но важных брошюрах, вышедших в издательстве «Народное право». В них он сформулировал свои взгляды на основы правового государства, на пути преодоления революции как временного общественного беспорядка в стремлении к новому, справедливому социальному строю: «Всякий порядок жизни имеет известные недостатки. И, по общему правилу, устранение этих недостатков достигается посредством отмены неудовлетворительных правовых норм и установления других, лучших. Каждый правовой строй должен непременно открывать людям эту возможность: совершенствовать законы по закону, то есть улучшать правовой порядок, не нарушая правового порядка. Правовой строй, который закрывает эту возможность для всех или для широких кругов народа, лишая их доступа к законодательству, готовит себе неизбежную революцию»[4].

Октябрьскую революцию Ильин воспринял уже как катастрофу и активно включился в борьбу с новым режимом. Он по-прежнему читал лекции на юридическом факультете Московского университета и в других высших учебных заведениях Москвы, активно отстаивая принципы академической свободы, подвергавшейся попранию со стороны новых властей. Даже в эти трагические годы Иван Александрович продолжает заниматься наукой. Восемнадцатого мая 1918 года Ильин защитил магистерскую диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». В качестве оппонентов на защите выступили Е.Н.Трубецкой и П.И.Новгородцев, который участвовал и защите, рискуя собственной свободой. Накануне у него был обыск, за которым вполне мог следовать арест. Несмотря на столь трагические обстоятельства, защита прошла блестяще, ученый

совет единогласно проголосовал за присвоение Ильину в качестве исключения сразу двух ученых степеней — магистра и доктора государственных наук; одновременно было присвоено и звание профессора.

Как ни странно, возможно именно этот труд — «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» — помог предотвратить серьезные репрессии ЧК. Ленин был известен своей приверженностью к философии Гегеля. «Есть сведения, — пишет А.В.Гулыга, доктор философских наук, писатель и публицист, — что в 1920 году при очередном аресте Ильина только вмешательство самого Ленина, распорядившегося не применять к нему репрессивных мер, спасло Ильина от расстрела». По иронии судьбы первой опубликованной работой И.А.Ильина была резко критическая рецензия на книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (В.И.Ульянов подписал ее псевдонимом В.Ильин): «Нельзя не обратить внимание на тот удивительный тон, которым написано все сочинение; литературная развязность и некорректность доходят здесь поистине до геркулесовых столбов и иногда переходят в прямое издевательство над самыми элементарными требованиями приличия: словечки вроде „прихвостни“ (36), „безмозглый“ (41), „безбожно переврал“ (71), „лакей“ (254) попадаются буквально по нескольку раз на странице, а превращение фамилий своих противников в нарицательные клички является далеко не худшим приемом в полемике г. Вл. Ильина».

Неизвестно, знал ли об этой рецензии Ленин, помнил ли о ней, но большевистская власть пристально следила за общественной деятельностью философа. В первый раз он был арестован накануне защиты диссертации, в апреле 1918 года, по подозрению в участии в организации «Добровольческой армии», однако вскоре был амнистирован и отпущен на свободу — в его защиту выступили многие видные представители российской науки. Предъявленные философу обвинения эти были отчасти справедливые, но бездоказательные. Неопровержимо одно — Ильин был идеологом белого движения.

И все-таки он продолжал издавать и свои философские работы, написал «Учение о правосознании», стал председателем Московского Психологического общества, придя на смену умершему к 1921 году Л.М.Лопатину: Продолжил публичные выступления. Весной 1922 года состоялось общее собрание Московского Юридического общества. На нем обсуждались основные задачи правоведения в России в свете революции (или, как тогда говорили, переворота) 1917 года, последовавшей за ней гражданской войны и победы большевиков. В своем выступлении

(а это было его последнее публичное выступление в России). Иван Александрович утверждал, что правильно сформулировать задачи русского правоведения могут лишь те, кто от начала до конца наблюдал этот исторический процесс на месте, те, кто видел «…и старое со всеми его недугами и во всей его государственной силе, и безмерное испытание войны, и упадок инстинкта национального самосохранения, и неистовый аграрный и имущественный передел и деспотизм интернационалистов, и трехлетнюю гражданскую войну, и психоз жадности, и безволие лени, и хозяйственную опустошенность коммунизма, и разрушение национальной школы, и террор, и голод, и людоедство, и смерть… Конечно, опыт, полученный нами, не есть просто опыт правовой и политический: он глубже — до уровня нравственного и религиозного: он шире — до объема хозяйственного, исторического и духовного вообще»[5].

Четвертого сентября 1922 года Ильина арестовали в шестой раз. Его обвинили в том, что он «с момента октябрьского переворота до настоящего времени не только не примирился с существующей в России Рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности»[6]. Смертную казнь решили заменить высылкой. Президиум ВЦИК постановил лишить Ильина гражданства и конфисковать все его имущество. Путь на родину для выдающегося русского был закрыт навсегда. В ноябре 1922 года он писал П.Б.Струве: «Я жил там, на родине, совсем не потому, что „нельзя было выехать“, а потому, что Наталья Николаевна и я считали это единственно верным, духовно-необходимым, хотя и очень опасным для жизни. Мы сами и теперь не уехали бы: ибо Россия в своем основном массиве — там; там она болеет, там же находит и найдет путь к исцелению. От постели больной матери… не уезжают, разве только — оторванные и брошенные»[7]. Начался новый этап жизни Ильина, продлившийся шестнадцать лет. Пришлось практически с нуля обустраивать жизнь, жизнь вдали от родины. Вместе с другими эмигрантами он занялся созданием философского общества, Религиозно- философской академии и журнала при ней. Открытие Русского научного института в Берлине состоялось в январе 1923 года. Ильин произнес речь, позднее изданную брошюрой. Он стал профессором этого института, читал в нем курсы энциклопедии права, истории этических учений, введения в философию и в эстетику на русском и немецком языках. С 1923 по 1924 год Иван Александрович являлся деканом юридического факультета Русского научного института, а в 1924 году был избран членом-корреспондентом Славянского института при Лондонском университете.

Одна из главных областей деятельности Ильина — исследование русской литературы, русской культуры и русской философии. За развитием литературы Иван Александрович следил всегда, отмечая ее влияние на развитие общей культуры нации. Писал полемические заметки против Л.Толстого, много писал о русской литературе начала XX века.

В период с 1926 по 1938 год он более 200 раз выступал с лекциями в Германии, Югославии, Латвии, Швейцарии, Бельгии, Чехии и Австрии. Тематика его лекций была самой разнообразной: о русских писателях, о русской культуре, об основах правосознания, о возрождении России, о религии и церкви, о советском режиме и др. Центральное же место в жизни Ильина по-прежнему занимали тесно связанные между собой политика и философское творчество. Он активно публиковался в эмигрантских изданиях: «Русском инвалиде», «Новом времени», «Новом пути». «России и славянстве» и т. п., входил в состав редакции парижской эмигрантской газеты «Возрождение» (под редакцией П.Б.Струве). В 1927–1930 годах Иван Александрович являлся создателем и редактором журнала «Русский колокол», целью которого было заявлено служение самобытной и великой России. В свет вышло всего девять номеров журнала.

Весной 1926 года Ильин принимал участие в работе Российского зарубежного съезда, поддерживая тесную связь с Русским общевоинским союзом (РОВС). В 1930 году Русская секция Международной лиги борьбы с III Интернационалом организовала Сент- Жюльенский съезд. Ильин принял в его работе самое активное участие. И все же, несмотря на такую активность в политической жизни эмиграции, в политической философии он основывался на принципах вне- и надпартийности. Сам никогда не состоял ни в каких политических партиях или организациях.

За рубежом были опубликованы многие крупные философские работы Ильина. В 1925 году вышли в свет: «Религиозный смысл философии. Три речи» и «О сопротивлении злу силою». (Эта своеобразная критика толстовского учения о непротивлении вызвала широкую полемику как на Западе, так и в России. Бердяев выступил со статьей «Кошмар злого добра», в которой писал: «Чека во имя Божье более отвратительно, чем Чека во имя дьявола».) Зинаида Гиппиус назвала Ильина «бывшим философом», а его книгу — «военно- полевое богословие». Поддержку Ильину оказали Струве и Лосский. В 1935 году выходит «Путь духовного обновления»; в 1937 — «Основы художества. О современном в искусстве». Тогда же завершается работа над книгой «О тьме и просветлении. Книга

художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев». (Возможность издать ее появилась только в 1959 году) Увидели свет и политико-философские труды: «Родина и мы» (1926), «Яд большевизма» (1931), «Основы борьбы за национальную Россию»(1938) и др.

С приходом фашистов к власти Ильин оказался в довольно сложном положении. В первое время репутация пламенного антикоммуниста обеспечивала ему благосклонность фашистских идеологов. Они полагали, что Ильин своей пропагандой антикоммунизма, своей идеологией порядка льет воду на мельницу фашизма. Его не трогали. Какое-то время Ильину и самому казалось, что фашистское движение в чем-то оправдано: люди, был убежден он, ищут волевого и государственного выхода из тупика безволия. В России такой выход, по его мнению, могло обеспечить Белое движение, а в других странах оно приняло иные формы, став движением другого цвета. Подлинный цвет фашистского движения Ильин определил не сразу. Однако, глубоко проанализировав гитлеровскую доктрину, он понял опасность фашизма. И заговорил о ней. Больше всего его, так же как и Шмелева, с которым он состоял в дружеской переписке, оттолкнули расизм и партийно-заговорщицкий характер гитлеровского фашизма, чреватые новой мировой войной. Вскоре за отказ вести преподавание в соответствии с партийной программой национал-социалистов Ильина удалили из института. В 1938 году гестапо наложило арест на все его печатные труды и запретило ему публичные выступления. Оставшись без средств к существованию, под угрозой ареста и заключения в концлагерь, Ильин вынужден был эмигрировать в Швейцарию. Это было непросто — на его выезд властями был наложен запрет. И только несколько счастливых случайностей, которые сам Ильин считал Божьим провидением, помогли получить визы для него и его верной спутницы жизни. Натальи Николаевны. В июле 1938 года Ильины уехала в Цюрих. Обосновались они в пригороде Цюриха Цолликоне. В третий раз им пришлось налаживать свою жизнь практически с нуля с помощью верных друзей и знакомых. Очень помогал, в том числе и материально, семье Ильиных С.В.Рахманинов.

В Швейцарии Ильину была запрещена политическая деятельность. Приходилось соблюдать конспирацию. Поэтому все 215 выпусков бюллетеней заочных чтений только для единомышленников, которые он писал для РОВСА в течение шести лет, были опубликованы без подписи. После его смерти они были изданы в двухтомнике «Наши задачи» в 1956 году. Там же, в Цолликоне, Иван Александрович завершил свой

тридцатитрехлетний труд — «Аксиомы религиозного опыта», два тома исследований по религиозной антологии с обширными литературными добавлениями. Вышли в свет и его многочисленные работы на немецком языке. Для некоторых из них в качестве псевдонима Ильин взял имя деда по линии матери.

Самым ярким явлением среди этих работ был, пожалуй, триптих философско-художественной прозы — сочинения, связанные единым внутренним содержанием и замыслом:

1) Ich schaue ins Leben. Ein Buch der Besinnung(«Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий»);

2) Das verschollene Herz. Ein Buch stiller Betrachtungen («Замирающее сердце. Книга тихих созерцаний»);

3) Blick in die Ferne. Ein Buch der Einsichten und der Hoffnungen («Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований»).

Его ученик Зиле писал о триптихе: «Эти три книги представляют собой совершенно своеобразное литературное творчество: это как бы сборники не то философских эскизов, не то художественных медитаций, не то просветительно-углубленных наблюдений на самые разнообразные темы, проникнутые единым творческим писательским актом — „во всем видеть и показать божий луч“».

Для русского варианта Ильин взял другие на звания:

1) «Огни жизни. Книга утешений»:

2) «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний»;

3) «О грядущей русской культуре».

Вторую книгу он полностью закончил, работая над третьей, но издателя при жизни найти не удалось. Его жена смогла издать «Поющее сердце» только в 1958 году.

Заканчивал Ильин и книгу «О монархии», готовил к изданию «Путь к очевидности». Редактировал другие свои работы и документы. Был полон планов и идей, осуществлять которые пришлось уже его жене. Двадцать первого декабря 1954 года после частых и продолжительных болезней Ильин умер. Похоронили Ивана Александровича в Цолликоне под Цюрихом, городе, волею судьбы ставшем его последним пристанищем. На плите, стоящей на могиле Ильина и его жены (она умерла 30 марта 1963 года) высечена эпитафия:

Alles empfunden
So viel gelitten
In Liebe geschauet
Manches verchuldet
Und wening verstanden

Danke Dir, Ewige Gute

(Все пережито,
Так много страданий.
Перед взором любви
Встают прегрешенья.
Постигнуто мало.
Тебе благодарность, вечное благо.)[8]

Наталья Николаевна, разделявшая все тяготы жизни Ильина, сделала все возможное для издания новых и переиздания старых трудов своего мужа — выдающегося русского философа. После ее смерти в 1963 году ученик Ильина Р.М.Зиле переправил архив Ивана Александровича в США. Другой ученик Ильина профессор Питтсбургского университета Н.П.Полторацкий в том же году создал архив И.А.Ильина в Мичиганском университете — библиотеку, содержащую 100 ящиков рукописей и документов. Согласно завещанию философа, его архив должен быть после его смерти передан родному Московскому университету. Это было исполнено лишь в мае 2006 года.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ. ОБЗОР ТВОРЧЕСТВА

Иван Александрович Ильин являлся государственником-правоведом, философом, литературным критиком, публицистом. В его творчестве раскрываются все наиболее важные пласты русского философствования первой половины XX века. Он принадлежал к когорте философов, приверженных российской идее, российской почве, много размышляющих о ней, не отделяющих своей судьбы от судьбы родины.

Философия Ильина глубоко полемична, она обращена не только к читателю, с которым Ильин ведет своеобразный доверительный, просветляющий разговор, но и ко многим философам, мыслителям, с которыми он ведет страстную, серьезную и всегда обоснованную цитатами полемику. Все его творчество проникнуто идей Православия. В своих религиозно-философских работах он решающую роль отводил духовному в человеке и в обществе, сформулировав «закон духовного достоинства».

Известность, как уже отмечалось, Ильину принесла его диссертация «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». В своем предисловии Ильин писал: «В преддверии новых исканий и достижений, в борьбе за духовную чистоту, за подлинность опыта и предметность познания — философии естественно обращаться к своему прошлому для того, чтобы находить и его лучших созданиях вдохновение и напутствие. Истинно великое и значительное всегда остается очагом духа, способным зажечь новые огни и дающим знак о новых, грядущих победах». Общую за дачу своего исследования он видел в том, чтобы «найти доступ к научному знанию о сущности Бога и человека», что совпадало, по его мнению, с главной целью современной ему философии. В этой работе Иван Александрович показал и великолепное знание и понимание текстов Гегеля, эрудицию, и оригинальность самостоятельного хода мысли. Он смог подвести определенные итоги «возрождения» гегельянства в западной и отечественной философской мысли, не будучи при этом гегельянцем. Воздав должное своим предшественникам. Ильин все же выказал некоторое недовольство качеством этих работ, страдающих, по его мнению, от поверхностных и беспомощных знаний философии Гегеля. Не будучи гегельянцем, он все же считал, что истолкование гегелевской философии должно стать частью «пересмотра духовных основ современной

культуры, обусловленного кризисным состоянием человеческого общества».

Как известно, основа философии Гегеля — тождество бытия и мышления, которое раскрывается путем диалектического процесса. Гегель полагал, что в основании всего лежит духовный принцип, в котором все вещи должны найти свое окончательное объяснение. Это единство самосознания, универсальный абсолютный разум, определяющий собой как законы космические, так и законы человеческого общения. Абсолютное, по мнению Гегеля, представляет собой идеальный логический процесс своего последовательного самораскрытия, достигающего своей конечной ступени в разумном существе — в человеке. Философия является целью мирового процесса, она есть самопознание абсолютного разума в человеке, задача ее — познание этого абсолютного.

Специфика трактовки Ильиным философии Гегеля основана на попытке органичного объединения трех «измерений» гегелевской философии: философского учения о конкретно-всеобщем, философского осмысления и воплощения Бога, философского учения о человеке. Свою задачу он видел не столько в текстологической реконструкции гегелевского учения, сколько в доказательстве того, что философский анализ Гегеля имеет своей целью раскрытие понятия «Бог», чему служит «прохождение» через множество оттенков движения мысли к «конкретному», а значит, бесконечному, завершенному, положительному, внутреннему, живому (согласно терминологии самого Гегеля) и т. д. единству. Внимательное изучение трудов Гегеля, их анализ позволили Ильину сделать вывод: «И вот эта объективная мысль как творческая объективность; эта „безусловная конкретность“, завершенная и самостоятельная; эта „вполне конкретная“ истина, но всей своей величайшей власти и мощи; этот создавший сам себя абсолютный организм смысла — являет собой природу самого Божества». Смысл учения Гегеля он видит в том, что «понятие, открывающееся спекулятивной мысли, есть само Божество, и что оно и есть единственная реальность».

И все же Ильин не считал диалектику Гегеля самым главным и высшим достижением его философии. Он прекрасно видел все упущения великого философа. И прежде всего это панлогизм («панэпистемизм», в терминологии Ильина), то есть стремление разложить все по полочкам понятийного мышления, а также абсурдность метода постижения истины системой категорий. Мир, замечает он, — с его злом, относительностью, хаосом, — не поддался силе всеобщего, силе понятия. Цитируя тексты самого Гегеля, Ильин доказал растерянность великого мыслителя перед

неодолимостью мира «неистинных, дурных предметов» и перед злоключениями Идеи, погруженной в «злосчастную бездну» конкретно- эмпирического. Отмечая все это, Ильин все же не соглашался с теми философами, которые видели в учении Гегеля одни лишь слабости. Он писал: «Гневные выпады Артура Шопенгауэра против Гегеля несправедливы, ибо в действительности Гегель был прямой противоположностью того, что видел в нем желчный франкфуртский философ: перед ним действительно была „голова“, а никакой не „шарлатан“. Всю жизнь он оставался мучеником своего сверхсложного сражающегося с самим собой созерцания. Он честно старался сохранить верность своей панлогической концепции, которая открылась ему в 1800–1810 годах. Он видел, как она рушится, и не желал принять ее крушения, ибо для него это означало бы крушение Бога. Ему приходилось перестраиваться „на ходу“. Перед ним вследствие этого обнаруживались новые „выси“ и „глубины“, он незаметно пересматривал основное свое понятие разума, переходил от „панлогизма“ к „пантелеологизму“ и полагал, что первоначальная его познавательная идея успешно обоснована. Кризис этой идеи и всей его системы был велик и поучителен. Может быть, он ушел из жизни, не осмыслив и не высказав этого. Но, — уточняет Ильин, — нельзя сомневаться в предметности его созерцательной способности»[9].

Существенно расходились взгляды Ильина и Гегеля и на один из главнейших вопросов философии — смысл жизни. Для Гегеля жизнь — всего лишь один из узлов саморазвития логической идеи. Поэтому проблема смысла жизни его не волновала. Для Ильина жизнь — смысловой центр бытия. Главная цель жизни у него «именуется делом божьим на земле», то есть делом «религиозно-осмысленной культуры», свободно создаваемой людьми. Для Гегеля было важно осознание свободы, для Ильина — ее реализация в жизни индивида. Сначала «быть», потом «действовать» и только за тем «философствовать».

Он соглашался с Гегелем, что философия — это наука, но был убежден, что наука эта тождественна религии. Вывод этот Ильин обосновал в своей статье «Философия как духовное делание» (1915). «Философия, — утверждает он в ней — это знание истины, религия — вера в нее». В этой же статье Ильин определил три разновидности неофилософствования, иронизируя над ними. Первая — «софистическая апология сильного», то есть подмена очевидности авторитетом. Вторая — превращение философии в тайноведение. Здесь он, в свою очередь, отметил два варианта: в первом из них «владеющий тайной» от души старается передать ее своим адептам, но усилия его напрасны,

ибо тайны нет: другой вариант — тайна остается сокрытой, и тайновидец не спешит, а порой и не в состоянии раскрыть ее (бывает, что он просто морочит голову и себе и другим). Третья — формальная игра в дефиниции и силлогизмы.

Доктор философских наук, писатель и публицист А.В.Гулыга в своей статье об Ильине писал: «Все три отмеченные Ильиным умственных порока — авторитетопоклонство, тайноведение, понятийное мозгоблудие — живут и поныне. Сарказм Ильина не потерял актуальности, как и его твердое убеждение в том, что истина существует и надо жить ради нее»[10].

Продолжая традиции русской философии. Ильин создает собственное учение. Учение это отличает подлинная доступность (его труды не перегружены чисто теоретическими философскими выкладками, научными терминами). Его занимают темы, определяющие жизнь любого человека: любовь, вера, родина, смысл жизни, добро и зло… Ильину удалось совершить невозможное — рассказать о русской душе на языке философии. Он создал феноменологию души, особый категорийный строй: совестная интуиция, просветленная чувственность, предметная очевидность, философский акт и др. Свои задачи Ильин при этом определил так: «…я пытаюсь заткать ткань новой философии, насквозь христианской по духу и стилю, но совершенно свободной от псевдофилософского отвлеченного пустословия. Здесь нет совсем и интеллигентского „богословствования“ наподобие Бердяева — Булгакова — Карсавина и прочих дилетантствующих ересиархов… Это — философия простая, тихая, доступная каждому, рожденная главным органом Православного Христианства — созерцающим сердцем, но не подчеркивающая на каждом шагу своей „школы“. Евангельская совесть — вот ее источник»[11]. Ильин обращается к читателям статьи с вопросом: откуда известно, что изучаемый предмет систематичен и живет по законам человеческой логики (пусть и диалектической)? Неужели, пишет он, шапка определяет размер головы? Жалок и смешон, по его мнению, философ, воображающий себя бухгалтером, наводящим порядок в бумагах, или унтер-офицером, командующим шеренгой понятий. Он призывает честно и ответственно изучать предмет. Созерцание, утверждает он, — средство; очевидность — цель. Очевидность — вообще любимое слово, любимое понятие Ильина.

«Человек, никогда не переживший очевидности, не знающий, как слагается и проверяется это своеобразное переживание, и как оно внутренне „выглядит“ — создаст в теории познания только игру мертвыми понятиями и пустые конструкции… Акт очевидности требует от исследователя — дара созерцания и при

том многообразного созерцания, способности к вчувствованию, глубокого чувства ответственности, искусства творческого сомнения и вопрошения, упорной воли к окончательному удостоверению и живой любви к предмету», — писал он в статье «Путь к очевидности».

Для Ильина очевидность — свет. В той же статье он уточняет: «…не всякая свеча дает нам очевидность. Бывают галлюцинации и миражи. Очевидность — это свет, исходящий из самого предмета, охватывающий нас предметной силой, покоряющий нас, к нему человек должен пробиться… Очевидность воодушевляет человека и просветляет душу. Она дает ему опору, позицию, характер. И вот он, здоровый и целостный. Любит то, чем живет, живет тем, что любит. За это борется до конца своих дней, и если он гибнет в борьбе, то гибнет как победитель».

Ильин никогда не признавал философии ради философии. Он писал только о том, что волновало его самого, чем жила русская общественность. Писал аргументированно и честно, не заискивая перед властями и мировыми авторитетами. Значительной интеллектуальной смелости потребовала от него работа, полемически направленная против толстовской философии непротивления «О сопротивлении злу силою». В ней он резко критиковал учение, оказавшее разлагающее воздействие на российскую интеллигенцию.

«Грозные судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную Родину, опаляющим и очистительным огнем отозвались в наших душах. В этом огне горят все ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции. На этих основах нельзя было строить Россию; эти предрассудки и заблуждения вели ее к разложению и гибели. В этом огне обновляется наше религиозное государственное служение, отверзаются наши духовные зеницы, закаляется наша любовь и воля. И первое, что возродится в нас через это, будет религиозная государственная мудрость восточного Православия и особенно русского Православия. Как обновившаяся икона являет царственные лики древнего письма, утраченные и забытые нами, но незримо присутствующие и не покидавшие нас, так в нашем новом видении и в волении да проглянет древняя мудрость и сила, которая вела наших предков и страну нашу святую Русь!» — этими словами он начал свою работу «О сопротивлении злу силою». Эти слова можно считать эпиграфом ко многим другим его сочинениям. Многие русские интеллигенты думали так же. И в то же время сама русская интеллигенция распространила в народе множество идеологических стереотипов и предрассудков, которые и привели

Россию к глубочайшему кризису. Одним из таких серьезнейших предрассудков Ильин и считал толстовскую философию непротивления злу. Он решился написать научное исследование, в котором последовательно разобрал взгляды Толстого, подтверждая свои слова, свою критику цитатами из произведений самого Толстого.

Ильин дал довольно резкую оценку толстовству: «… проповедовался наивно- идиллический взгляд на человеческое существо, а черные бездны истории и души обходились и замалчивались. Производилось неверное межевание добра и зла: герои относились к злодеям; натуры безвольные, робкие, ипохондрические патриотически мертвенные, противогражданские — превозносились как добродетельные. Искренние наивности чередовались с нарочитыми парадоксами, возражения отводились как софизмы: несогласные и непокорные объявлялись людьми порочными, подкупными, своекорыстными, лицемерами… Так случилось, что учение графа Льва Толстого и его последователей привлекло к себе слабых и простодушных людей и, придавая себе ложную видимость согласия с духом Христова учения, отравляло русскую религиозную и политическую культуру».

Конечно, он понимал и признавал, что ни Толстой, ни его последователи не призывают к полному непротивлению — это было бы равносильно добровольному нравственному самоуничтожению. Толстовцы предлагали перенести борьбу со злом во внутренний мир человека, притом именно того человека, который эту борьбу ведет. Таким образом, толстовцы считали непротивление особым видом сопротивления, но только некоторыми, допустимыми с их точки зрения способами. Идея эта, подчеркивал Ильин, наследует традиции христианства. Однако, продолжал Иван Александрович, призывая любить врагов, Христос призывал любить врагов самого человека, а не врагов Божьих, попирающих божественное. Истолковывать христианский призыв к кротости, как призыв к безвольному созерцанию насилий и несправедливости, по мнению Ильина, противоестественно. Он отмечал, что ценность толстовского учения в том, что борется против увеличения зла в мире, против того, чтобы на зло отвечали еще большим злом. Между тем вопрос о зле и насилии не так прост. Толстой и его последователи употребляли термины «насилие» и «ненасилие» расплывчато и неточно, смешивая самые различные виды насилия с формами принуждения и самопринуждения. Ильин дал четкое, философски точное определение сущности зла, подчеркивая при этом, что насилие как таковое и есть зло, против которого

необходимо бороться. Всякий человек, подчеркивает он, подвергшийся насилию, заслуживает сочувствия и помощи. Характеризуя основные признаки зла, Ильин отмечает его внешнюю агрессивность, лукавство и многообразие. Только наивный человек, поясняет он, может не замечать лукавства зла и полагать, что ему присуще простодушие, прямота и рыцарская корректность, что с ним можно договариваться, ожидая от него верности, лояльности и чувства долга.

Ильин утверждал, что на протяжении всей истории человечества в разные эпохи и в разных общинах лучшие люди гибли от насилия худших, и продолжалось это до тех пор, пока лучшие не решались дать худшим организованный достойный отпор. «Прав будет тот, — писал он, — кто оттолкнет от пропасти зазевавшегося путника, кто вырвет пузырек с ядом у ожесточившегося самоубийцы, кто вовремя ударит по руке прицеливающегося революционера, кто в последнюю минуту собьет с ног поджигателя, кто выгонит из храма кощунствующих бесстыдников, кто бросится с оружием на толпу солдат, насилующих девочку, кто свяжет невменяемого и укротит одержимого злодея».

И все же, оправдывая применение силы в защиту добра, Ильин предостерегает от возможности впасть в другую крайность — в признание допустимости любых средств для достижения благой цели. Нравственное достоинство цели ни в коем случае нельзя переносить на средства. Поэтому Ильин четко формулирует и условия, в которых применение силы оправданно. И прежде всего это определение зла по характеру совершаемых им поступков, а также волевое отношение к жизни, принятие ответственности за свое решение и действие и, наконец, последующее прижизненное нравственно- религиозное очищение. И все это при ясном осознании того, что в конкретных жизненных обстоятельствах бессильны мирные средства противления злу. «Сопротивляйтесь всегда любовию. — пишет он. — а) самосовершенствованием, в) духовным воспитанием других, с) мечом». Меч он поставил на третье место, после двух духовных факторов. Идею любви и меча Ильин связывал с древнерусскими традициями, с образами Михаила Архангела и Георгия Победоносца.

Есть у Ильина и еще одно важное возражение в адрес толстовства: «…когда моралист, отстаивающий идеи непротивления, — пишет он, — подходит к государственной, правовой и политической жизни, то здесь перед ним простирается сфера сплошного зла, насилия, грязи». Интерпретируя толстовцев, Ильин отмечает, что тут не может быть никакой

сферы, где можно нести речь о правосознании, о различных нормальных, цивилизованных способах жизни. Духовная необходимость и духовная функция правосознания, по его мнению, от моралиста совершенно ускользают. Вместе с отвержением права отвергаются и «все оформленные правом установления, отношения или способы жизни: земельная собственность, наследование, деньги, которые „сами по себе суть зло“, иск, воинская повинность; суд и приговор — все это смывается потоком негодующего отрицания, иронического осмеяния, изобразительного опорочения. Все это заслуживает в глазах наивного и щеголяющего своей наивностью моралиста только осуждения, неприятия и стойкого пассивного сопротивления».

Это один из наиболее важных моментов в книге Ильина, действительно характеризующий российское моралистическое сознание. Для жизни российского общества испокон веков было характерно недоверие к правосознанию, к повседневной государственной жизни, к самозащите человека, к формам правозащитной и судебной деятельности. Ильин пишет: «Сентиментальный моралист не видит и не разумеет, что право есть не обходимый и священный атрибут человеческого духа; что каждое состояние человека есть видоизменение права и правоты; и что ограждать духовный расцвет человечества на земле невозможно вне принудительной общественной организации, вне закона, суда и меча. Здесь-то личный духовный опыт молчит, а сострадательная душа впадает в гнев и в „пророческое“ негодование. И в результате этого его учение окалывается разновидностью правового государственного и патриотического нигилизма». Сказано сильно, справедливо и, к сожалению, актуально до сих пор.

Абсолютно справедлива концепция Ильина и в отношении защиты правового государства и спокойствия граждан. Правовое государство вынуждено применять силу для того, чтобы противостоять тоталитаризму, фашизму; угрозе гражданской войны и т. п. Толстой и толстовцы, конечно же, правы — пока не уничтожена война, надо стремиться к ее преодолению. Но Ильин показывает губительную неравность положения наглого, авторитарного фашистского насилия, не знающего никаких препон и пределов, не ценящего человеческую жизнь, и либерального, мягкого правления, не связывающего себя установлениями права. Это одна из глубочайших дилемм и трагедий XX века. Оправданно ли, допустимо ли силой погасить небольшой очаг потенциальной гражданской войны, предотвращая его разрастание на всю страну, на мир? Спор

философа Ильина и писателя Толстого так же актуален до сих пор, перейдя из XX в XXI век.

Через все эмигрантское творчество Ильина проходит одна тема — судьба России, ее потенциальное возрождение. Катастрофу семнадцатого года Ильин считал наиболее ярким проявлением кризиса всей мировой культуры. Судьба России — часть мировой судьбы. Потому все, что пишет Ильин о России и для России, приобретает общее, мировое значение.

В многочисленных статьях и лекциях он проповедовал мысль о том, что вынужденное пребывание на чужбине — наказание за содеянные грехи: «Ведь мы сами — живые куски нашей России, ведь это ее кровь тоскует в нас и скорбит; ведь это ее дух молится в нас и скорбит…» — писал он в статье «Родина и мы» в 1926 году. В этой же статье он писал, что нельзя оторваться от родины. «Можно жить на свете, не найдя своей родины, — мало ли их, безродных теперь; всюду они мутят, желая привить другим свое убожество. Но кто раз имел ее, тот никогда ее не потеряет, разве только предаст ее и не посмеет покаянно вернуться к ней… А нам всем Родина дала уже, дала раз навсегда, неумирающее и неистощающееся богатство, в нас самих укрытое, всюду нас сопровождающее — дар навеки…» Далее он анализирует причины гибели России, обозначает пути ее возрождения. По его мнению, Россию погубили бесчестие своекорыстие и смута, безрелигиозность и бесхарактерность. Возродиться же она может только честью, служением и верностью. «И какой бы строй ни установился в России, — пишет Ильин, — после перелома, какие бы люди ни оказались „во главе“, какие бы „программы“ ни восторжествовали. — Россия будет существовать, расти и цвести только тогда, если в ней воцарится дух чести, служения и верности; ибо дух бесчестия, жадности и предательства поведет ее опять по путям революции, распада, „переделов“, „социализма“ и „интернационализма“ — по путям позора и бесчестия».

Его вера в возрождение России была основана на твердой уверенности, что в основание русской истории, русского национального бытия положен Божий замысел. «Россия, — утверждал Ильин, — это прежде всего — живой сонм русских правдолюбцев, „прямых стоятелей“, верных Божьей правде». Россия, по его мнению, держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему возрождение России Ильин непременно связывал с возрождением, прежде всего, духовности, православия.

Русская идея, по его мнению, выражает историческое своеобразие народа и в то же время — его историческое призвание. «Русская идея — есть идея сердца. Идея созерцающего

сердца… Она утверждает, что главное в жизни есть любовь, и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви родится вера и вся культура духа»[12]. Ильин полагал, что предрасположенность к чувству, сочувствию, доброте и есть живая сила русской души, русской истории. А путь духовного обновления — единственный путь спасения, вы ход из культурного кризиса человечества. Эти идеи он сформулировал в книге «Путь духовного обновления», выпушенной в Белграде в 1937 году.

Средствами духовного обновления Ильин считал веру, любовь, свободу, совесть, семью, родину, национализм, правосознание, государство и частную собственность. Каждому из этих понятий он посвятил отдельную главу книги.

Открывает книгу глава, о вере. Веру Ильин определяет как «главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки». Без веры человек не может существовать. Ильин начинает разговор о вере с разбора проблемы истины и проблемы веры. Он констатирует: человек и человечество оперируют множеством истин. Мы знаем таблицу умножения, химические формулы, установленные законы логики, исторические факты. Мы исходим из того, что они верны, применяем их в жизни. И все же одно дело знать истину, другое — верить во что-то. Есть истины, не имеющие отношения к нашей душе. Но есть и такие, которые мы считаем самыми главными в своей жизни. И вот тогда мы и говорим, что обладаем верой. Здесь, пишет Ильин, реальный центр твоей жизни, тут твоя любовь, твое служение, тут ты идешь на жертвы. Вера, убежден он, живет в каждом человеке, просто иногда она дремлет в человеческой душе. Душа просыпается ото сна, когда случается жизненная буря, и жизнь человека меняется коренным образом. Он начинает понимать необходимость выбора, необходимость служения какой-то ценности.

Ильин четко разграничивал понятия «вера» и «верование». Верить можно во что угодно: в карты, науку, в вождей, в астрологические гороскопы. «Веруют же — далеко не все, ибо верование предполагает в человеке способность прилепиться душою (сердцем и волею, и делами) к тому, что действительно заслуживает веры, что дается людям в духовном опыте, что открывает им некий „путь к спасению“ (по слову Феофана Затворника)», — пишет Ильин. Вера может разъединять людей, верование — объединяет.

Изучая проблему знания и веры, он приводит множество выписок из сочинений ученых различных времен и народов, показывая, что все они так или иначе веровали в Бога и надеялись

найти Бога, выстраивая картину мира.

«Религиозность, — пишет Ильин, — не есть какая-то человеческая „точка зрения“, или „миросозерцание“, или „догматически-послушное мышление и познание“. Нет, религиозность есть жизнь, целостная жизнь и при том творческая жизнь. Она есть новая реальность, состоявшаяся в человеческом мире для того, чтобы творчески вложиться в остальной мир».

Источник веры и религиозности — любовь. Ильин полагал, что это определяющая форма духовности, но проводил тонкое различие между инстинктивной и духовной любовью. Любовь, писал он, рожденная инстинктом, субъективна и не объяснима. Иногда — ослепление, всегда — идеализация. В основе любви духовной лежит восприятие совершенства, объективного идеала. Именно такая любовь и заложена в основу религиозного чувства.

Веровать и молиться можно только тому, что по доброй воле и искренне идет из глубины человеческого существа: любить можно только самому — искрение, по доброй воле, из глубины свободной души, утверждает Ильин в главе о свободе. Он различает свободу внешнюю и внутреннюю. Свобода, безусловно, важна для жизни человека в обществе. Но не менее значимы для жизни человека и идущие извне предписания и запрещения, поддержанные угрозой. А иногда и подкрепленные силой и принуждением. Ильин убежден, что в определенных отношениях сила и принуждение необходимы и даже полезны для человеческого общества. Самое главное — сохранить связь между верой и слободой. Он считал положительной свободой свободу, связанную с мобилизацией внутренних сил человека. Свободен, считает Ильин, не тот человек, который предоставлен сам себе, которому нет ни я чем никаких препятствий, так что он может делать все, что придет ему в голову. Нет, свободен тот, кто приобрел внутреннюю способность созидать свой дух из материала страстей и талантов, а значит, прежде всего владеть собою; способность жить и творить в сфере духовного опыта, добровольно, искренне и целостно присутствовать в своей любви и в своей вере.

Разновидностью внешней свободы Ильин считал политическую свободу. Человек является полномочным участником, соучастником, соустроителем, сораспоряжающимся во всех делах общества, и его внутренняя свобода ограждается необходимостью думать о других людях, об их свободе или несвободе, об их жизни и их поведении. Ильин делает парадоксальное заявление: политическая свобода предполагает в человеке, которому она дается, гораздо большую зрелость, чем свобода духа. Ибо когда человек занимается своими внутренними

делами, то он верит себе и распоряжается собой. В области же политики существует вопрос не только о собственной, но и о чужой свободе. Согласно Ильину, между внутренней свободой и политической существует внутренняя связь. Политическая свобода теряет смысл и становится разрушительным началом при отсутствии внутренней свободы человека. Если человек не осознает себя в качестве духовного субъекта, внутренне свободного и самоуправляющегося, он не сумеет сохранить права политической свободы. Особое значение придавал Ильин семье, патриотизму, родине, собственности.

Патриотизм по Ильину тесно связан с национализмом. Национализм он трактовал как позитивное проявление национального духа. «…Любовь к своему народу не есть неизбежно ненависть к другим народам; самоутверждение не есть непременно нападение; отстаивание своего совсем не означает завоевывание чужого. И таким образом национализм и патриотизм становятся явлениями высокого духа, а не порывами заносчивости, самомнения и кровопролитного варварства, как пытаются изобразить это иные современные публицисты, не помнящие родства и растерявшие национальный дух». Подобные мысли Ильин высказывал и в других своих работах. Так, в работе «Основы христианской культуры» он писал: «Истинный национализм есть не темная, антихристианская страсть, но духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а на род к духовному расцвету». Патриотизм в трактовке Ильина тесно связан с идеями православия. Он называл патриотизм высшей солидарностью, сплоченностью в духе любви к родине, творческим актом духовного самоопределения, верным перед лицом Божиим, утверждая, что только при таком понимании патриотизм и национализм могут раскрыться в их священном значении. Патриотизм, подчеркивал Ильин, живет лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, и прежде всего святыни своего народа. Именно национальная духовная культура, по его мнению, есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться и погибнуть за него. В ней сущность Родины, которую стоит любить больше себя.

Национализмом Ильин называл любовь к исторически-духовному облику своего народа, веру в его Богоблагодатную силу, волю к его творческому расцвету и созерцание своего народа перед лицом Божиим. Национализм же, полагал он, есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания.

Духовный творческий национализм, полагал Ильин, надо прививать с раннего детства. Большую роль в этом воспитании

играет семья как священный союз, как часть общества, как первичное лоно человеческой культуры. Воспитанием в семье определяются в большей степени таланты и склонности человека, которые в будущем определят место этого человека в обществе. «Здесь пробуждаются и начинают развертываться дремлющие силы личной души; здесь ребенок научается любить (кого и как?), верить (во что?) и жертвовать (чему и чем?); здесь слагаются первые основы его характера; здесь открываются в душе ребенка главные источники его будущего счастья и несчастья; здесь ребенок становится маленьким человеком, из которого впоследствии развивается великая личность или, может быть, низкий проходимец». Поэтому Ильин подчеркивал, что воспитывать ребенка — значит заложить в нем основы духовного характера и довести его способности до самовоспитания. Основная же задача воспитания, по его мнению, состоит в том, чтобы ребенок получил доступ ко всем сферам духовного опыта; чтобы его духовное око открылось на все значительное и священное в жизни; чтобы сердце его, столь нежное и восприимчивое, научилось отзываться на всякое явление Божественного в мире и в людях. Душа ребенка, писал он, должна научиться воспринимать сквозь весь земной шум и сквозь всю неиссякаемую пошлость повседневной жизни священные следы и таинственные уроки Всевышнего, воспринимать их и следовать им, чтобы внемля им, всю жизнь «обновляться духом ума своего». Воспитание детей, уточнял Ильин, есть пробуждение их бессознательного чувствилища к национальному духовному опыту, укрепление их сердца, их воли, их воображения и их творческих замыслов: «…надо сделать так, чтобы все прекрасные предметы, впервые пробуждающие дух ребенка, вызывающие в нем умиление, восхищение, поклонение, чувство красоты, чувство чести, любознательность, великодушие, жажду подвига, волю к качеству — были национальными, у нас в России — национально-русскими; чтобы они почуяли в себе кровь и дух своих русских предков и приняли бы любовью и волею — всю историю, судьбу, путь и призвание своего народа, чтобы их душа отозвалась трепетом и умилением на дела и слова русских святых, героев, гениев и вождей». В особенности Ильин предлагал обогащать их следующими сокровищами: сокровищами родного языка, песни, молитвы, сказки, житиями святых и героев, поэзией, историей, гордостью за свою Армию как воплощение силы государства, храбрости народа, знанием территории своей страны как основы единения с родной землей, склонностью к добровольному творческому труду. Только таким образом, полагал Ильин, человечеству удастся соблюсти священное начало родины и в то

же время одолеть соблазны — как больного национализма, так и всеразлагающего интернационализма.

Центральным вопросом для будущего возрождения России Ильин считал вопрос о собственности. И здесь он снова возвращался к духовному и недуховному пониманию человека. При духовном понимании человек — существо с бессмертной душой, творец. Он образует основу семьи, родины, нации, государства, сам становится источником духовной культуры. Бог, по мнению Ильина, возжигает на земле некий творческий очаг и возлагает на человека все функции сохранения мира и божественности как единого целого. Таким образом, основная задача духовного самосовершенствования человека — быть творческим огнем на земле. Но подобает ли творческому духовному центру иметь на земле прочное вещественное гнездо? Да, отвечает на этот вопрос Ильин, подобает, если это гнездо его жизни, любви, деторождения, труда и свободной инициативы. С его точки зрения частная собственность и есть живой очаг свободы, инициативы.

При недуховном понимании человека к нему относятся как к зверю, животному на том основании, что он, человек, работает с вещами, производит вещи, присваивает их себе. При таком подходе считается, что свобода, независимость совершенно не нужны, а частная собственность подлежит упразднению. Такие противоположные понимания человека приводят соответственно к противоположным выводам. В первом случае считается, что человек, обладающий частной собственностью, продолжает начинания Бога на земле. Во втором — полагают, что человека необходимо освободить от индивидуального способа жизни, от его личной отделенности, самодеятельности и самоценности. Ему придается статус лишь частички некоего большого целого, где он теряет свою уникальность, самостоятельность и самоценность. Такой подход был предложен коммунизмом.

Ильин, отвергая эти идеи, выдвигал аргументированные соображения, доказывающие историческую бесперспективность и ущербность коммунизма. Он выделяет шесть пунктов таких оснований.

1. «Коммунизм противоестественен», ибо коммунизм не приемлет индивидуального способа жизни, данного человеку от Бога. Он гасит личную инициативу на всех путях творчества человека.

2. «Коммунизм противообщественен», ибо в основе коммунизма лежит идея классовой ненависти, зависти, мести, идея вечной классовой борьбы пролетариата с непролетариями. И на этой идее коммунисты строят образование, воспитание,

хозяйство, государство и армию. Идея всенародной солидарности и братства дискредитируется. Развивается преследование граждан, взаимное доносительство. Производится изъятие имущества, при котором недобросовестные грабят добросовестных.

Ильин вообще считал зависть основным источником бедствий. Он признает, что зависть не новое явление в истории, но только в XX веке зависть стала главным движущим фактором, руководящей лжеидеей мирового кризиса. «В наши дни, — пишет он в статье „Зависть как источник бедствий“, — зависть не только осознала себя, но и выговорила себя как доктрину, превратилась в мировой заговор (точнее — в несколько параллельных, мировых заговоров!) и она выработала программу, систему борьбы и организацию. Она становится основным побуждением народов или как бы тем отравленным воздухом, которым дышит современная масса». Ильин утверждает, что учение о противоположности и непримиримости социальных классов, желание перераспределения имущества, доктрина революционной мести в основании своем имеют все ту же человеческую зависть.

3. «Коммунизм осуществляет растрату сил». Человек, по мнению Ильина, изначально наделен творческой силой живого инстинкта, массой энергии, связанной с его внутренним сокровенным бытием. Коммунизм, вводя безнадежный способ хозяйствования и провозглашая его самым лучшим и продуктивным, подавляет и растрачивает реальную естественную жизненную энергию людей.

4. «Коммунизм, из-за его противоестественности, осуществим только при помощи системы террора».

5. «Коммунизм отнюдь не ведет к справедливости». Коммунисты полагают, что равенство означает справедливое устройство жизни. Однако на самом деле все люди от природы не равны, и уравнять их естественные свойства невозможно.

6. «Коммунизм отнюдь не освобождает людей. Он вводится принудительно и насильственно и для этого отменяет все жизненные права и свободы».

Ильин доказывает естественность частной собственности и безнадежность попытки освободиться от нее. Он прослеживает связь между индивидуальностью человека, частной собственностью и добротным трудом. Ильин утверждает, что только собственник обретает желание вложить в хозяйственный процесс свой труд, свои способности. Только частная собственность, ответственное к ней отношение приучает человека творчески любить труд, землю, свой очаг, родину.

Государственный инстинкт человека, по мнению Ильина, тоже связан с развитием института частной собственности. Частная собственность породнена и с правосознанием, ибо только человек, приученный разделять «мое» и «твое», может строго следовать законам, определяющим их взаимоотношение. Кроме того, обогащаясь сам, собственник тем самым обогащает и свое окружение: богатеет народное хозяйство, возникает конкуренция собственников, которая, в конечном счете, идет на благо народа.

Ильин подчеркивает, что опасно не различие между богатым и бедным, а хозяйственная беспочвенность среди бедноты, творческая бесперспективность среди низшего имущественного слоя. Он предупреждал о порочности и пагубности коммунистического постулата, что ни «моего», ни «твоего» вообще не должно быть, что можно иметь только «общее», не имея «моего». «Если народы пойдут за этим зовом, то они скоро убедятся, что „общее“ без „моего“ есть „ничье“ и что до „ничьего“ — никому нет дела», — писал он.

Разрешение проблемы Ильин видел в построении такого строя, который бы сочетал строй частной собственности с «социальным» настроением души: свободное хозяйство с организованной братской справедливостью. Чувствовать и действовать социально, по Ильину, означает признавать на деле начало христианской любви и братства; руководиться не уравнивающей справедливостью («всем поровну»), а распределяющей («каждому — свое, кто чего заслужил»); это значит — оберегать слабых, нуждающихся, больных и беспомощных, связывать благополучие целого с благоденствием личности, и, наконец, будить и поощрять во всех слоях народа качественные, творческие силы человеческого инстинкта и духа.

Говоря о поисках нового социального понимания собственности. Ильин полагал, что оно будет исходить из древних христианских основ. Новые поколения, писал он, должны воспитываться в убеждении, что частная собственность не просто «право», а нравственно обязывающее право. Собственность, уточнял он, обязывает каждого к творческому использованию всех ее возможностей, к несению больших общественных тягот и государственных повинностей, к человеческому обхождению со всеми, кто так или иначе зависит от вечной власти собственника, к постоянной заботе о хозяйственно беспочвенных людях.

Частная собственность есть не только власть, но и свобода. Нельзя давать власть, не научив ею пользоваться, предупреждал Ильин: «Только сильный и духовно воспитанный дух сумеет верно разрешить проблему частной собственности и создать на ее основании цветущее и социальное хозяйство».

Ильин считал, что при решении вопроса о собственности огромную помощь может оказать борьба (сугубо лояльная, в пределах закона) за улучшение существующего законодательства. Сам он всегда был сторонником «естественного» права, которое дается человеку «от природы», связано с его совестью, сливается с моралью. Совестный акт для Ильина — важнейший компонент духовного обновления, В работе «О грядущей России» он писал: «От совестного акта не следует ожидать ни слов, ни суждений, ни изречений, ни формул. Совестный акт подобен скорее молнии, сверкающей из мрака, или мощному подземному толчку; как при землетрясении. Здесь нет по-человечески раскрытой разумности, но есть как бы некий ослепительный свет, озаряющий внутренние пространства души, от которого человек как бы мгновенно прозревает — ибо совесть есть состояние нравственной очевидности». Ильин называет европейское правосознание формальным, черствым и уравнительным, а русское — бесформенным, добродушным и справедливым. В уже упоминавшейся работе «Путь духовного обновления» он пишет: «Мало закона. Надо видеть живое событие. И далее, надо видеть сквозь закон: 1. Намерение законодателя и 2. Высшую цель права (свобода, мир, справедливость). Поэтому всякое применение закона предполагает в душе применяющего чиновника живое творческое правосознание». Закон формален, но его применение определено всей широтой духовной жизни: здесь и любовь, и вера, и чувство справедливости, и совестный акт.

Говоря о возрождении России. Ильин, безусловно, не мог обойти и такой важный вопрос, как государственное устройство, государственная форма возрожденной России. Государственной формой он называл «строй жизни и живую организацию народа». В статье «О государственной форме» Ильин подчеркивал, что народ должен сам понимать свой жизненный строй, чтобы уважать законы этого строя и вкладывать свою волю в эту организацию. Только «живое правосознание народа дает государственной форме осуществление, жизнь, силу»[13]. Именно от уровня народного правосознания, от исторически нажитого народом политического опыта, от силы и воли его национального характера, по мнению Ильина, и зависит государственная форма. При этом он подчеркивал, что каждому народу причитается своя, особая, соответствующая только ему государственная форма и конституция. И к решению этого вопроса Ильин призывал подходить очень осторожно, не навязывая всем народам какую-то одну, «наиболее прогрессивную» форму.

Какова бы ни была выбрана Россией государственная форма, по мнению Ильина, способность выстоять она обретала только в

виде православной державы. Эти свои идеи он выразил и обосновал в статье «Что дало России Православное христианство?». В ней он утверждает, что православие привнесло в русский народ такое правосознание, которое срослось с сознанием нравственным. Потому и Государь воспринимался не как средоточие власти, а как исполнитель Божьей воли. В то же время сам монарх стремился служить Богу и народу, а не отдельным сословиям или группам людей, которые позднее стали именоваться партиями. Вот это взаимное нетягостное служение отличало монархию от разного рода демократических форм правления, закрепляющих фактическую власть меньшинства в виде удачливой или демагогической партии, группы, ибо партия — это часть, а не целое.

Оценивая положение России после революций 1917 года, анализируя их причины и последствия, он писал: «Пройдут годы национального опамятования, оседания, успокоения, уразумения, осведомления, восстановления элементарного правосознания, возврата к частной собственности, к началам чести и честности, к личной ответственности и лояльности, к чувству собственного достоинства, к неподкупности и самостоятельности мысли, прежде чем русский народ будет в состоянии произвести осмысленные и не погибельные политические выборы. А до тех пор его может повести только национальная, патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная — воспитывающая и возрождающая — диктатура» (статья «О государственной форме»).

Ильин был не только философом и правоведом. Высоко образованный, философ культуры, он не мог обойти вниманием художественное творчество. Его литературно- критические труды отличаются философской глубиной, острой наблюдательностью и независимостью. Отличительным качеством его критической манеры является сочетание эстетического анализа художественного произведения с духовно-религиозным анализом.

Особенностью духовного кризиса, достигшего в XX веке своего апогея, Ильин считал не просто утрату людьми веры в Бога, а активно отрицательное их отношение к самой идее Бога. Он утверждал, что «непросвещенные неверы» на протяжении нескольких последних веков всеми силами стремились не только скомпрометировать эту идею, но и одержать победу в борьбе с верующими. Все остальные разновидности кризиса (культурный, экономический, экологический и др.), по его мнению, являются лишь результатом духовного оскудения, начавшегося еще в эпоху Ренессанса, и широко развивающегося вследствие распространения в мире атеистических и материалистических

доктрин, различных оккультных и теософских теорий.

Продолжением этих процессов Ильин считал начавшуюся в XIX веке эпоху оправдания дьявольского начала. Многие европейские писатели, композиторы в своем творчестве обратились к демонической теме, зачастую изображая демонов в привлекательном виде. Отчуждение от веры культуры и искусства в течение последних столетий привело к возникновению безбожного псевдоискусства с его похотливой разнузданностью, духовной бессодержательностью и нравственной пустотой. В подобном мнимоискусстве, создаваемом и распространяемом «беспочвенными людьми, забывшими о Боге», царит, по словам Ильина, безответственность и вседозволенность. По сути, это уже не искусство, а «чувственное марево», предназначенное для эротического возбуждения и праздного времяпрепровождения скучающих и сытых.

Между тем история европейской цивилизации есть великий поиск подлинно христианской культуры. Говоря о культуре. Ильин подчеркивает различие между культурой как явлением духовно-нравственным, затрагивающим глубины человеческой души, и цивилизацией как порождением материально-технического прогресса: «Народ может иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (одежда, жилище, пути сообщения и т. д.) являть картину отсталости. И обратно, народ может стоять на последней высоте техники и цивилизации, а в вопросах духовной культуры (нравственность, наука, искусство, политика, хозяйство) переживать период упадка».

Истинная культура, по его мнению, всегда проникнута светом духовности и надежды, любви и устремленности к совершенству, когда художник обращен сердцем к Богом созданному миру, полному таинственных и неизъяснимых чудес, когда он понимает и всей душой ощущает, что все великое и гениальное, созданное человечеством, исходит из светлых пространств Божьего мира, из созерцающего и поющего сердца человеческого.

Истинная культура, по Ильину, заключает в себе ту самую духовность, которую часто отождествляют с идеологией, интеллектуальностью, образованностью и т. п. В своих трудах он показал сложность и неоднозначность понятия «духовность», включающего в себя не только веру в Бога и бессмертие души, но и любовь к родине, родной природе, ответственность за их судьбу. Духовность, по мнению Ильина, предполагает стремление к совершенству, к идеалу. В своей работе: «О тьме и просветлении» он писал: «Художество родится только тогда, когда предмет, ранивший и одаривший, берется духом и творчески

переживается в его божественной значительности…»

Свою позицию в отношении к художественному творчеству Ильин раскрывает с помощью двух схем в книге «О тьме и просветлении». На одной схеме изображена структура реалистического произведения: широко раскрытый глаз читателя, непосредственно перед ним — авторский текст, поверхностный слой. За этим слоем — созданные автором образы, фабула и т. п. Далее — художественный предмет, из которого у автора и вырастают образы, слагается фабула. «Нехудожественное» произведение выглядит иначе. Художественный предмет (даже если и имеется) остается эстетически неосуществленным, незамеченным. Вместо художественной ткани возникает хаос зачаточных образов. На поверхности подобного произведения — «бесконечный сквозняк ненужного текста». Глаз читателя закрыт «от скуки и отвращения».

Чуткость Ильина к содержательной стороне искусства позволила обнаружить, первому из всех исследователей, философию в народной сказке. «Сказка есть дорелигиозная философия народа, его жизненная философия, изложенная в свободных мифических образах и художественной форме», — писал он в статье «Духовный смысл сказки». Интересны статьи Ильина о русской классической литературе. В лекции «Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры» (1943) Ильин называет Пушкина ренессансной личностью, гармонически поющим классиком, родоначальникам прекрасных художественных форм. Он подчеркивает, что Пушкин «обладал гениальным искусством прозревать сущность вещей — без аналитических подробностей, без диалектического педантизма и теоретических выкладок он лишь бросал взгляд на и точно, быстро схватывал самое главное — божественную сущность всего». Ильин утверждает, что с этой задачей «не справился ни Вольтер с его холодной версификацией и скептической улыбкой, ни лорд Байрон, с его отчаянием обрести самого себя. С этой задачей не справился и Гете… который жил, творил и умер вне связи с христианством, и последняя мудрость которого состояла в том, чтобы с благоговением относиться к непознаваемому».

Пушкин для Ильина представлял пример пророка, национального гения, для которого родина — глубоко духовное понятие, ибо тот, кто не живет духом, не имеет родины. Русское искусство, полагал он, прежде всего, умудряет, содержит в себе мудрость «вселенной», «дает или жизнеумудрение, как в былине или светской сказке, или богоумудрение, как в акафисте, житии и легенде. Тот, кто не заметит или недооценит эту национальную традицию, тот немного поймет в истории русского искусства».

Именно эту традицию, по мнению Ильина, и продолжил Пушкин.

Основной идеей Пушкина и Гоголя Ильин считал стремление породить в России эпоху религиозного очищения, используя для этого художественное вдохновение и видение. Он писал, что этой эпохи мир ждет и по сей день. «И, следовательно, задача вразумления и очищения с тех пор так и не устарела, не сошла с повестки дня, а наоборот, стала более настоятельной и острой».

Ильин подвергал критическому анализу и произведения своих современников. Так, в творчестве Мережковского он подчеркивал атмосферу «больного искусства и больной мистики, некое духовное болото, испаряющее соблазн и смуту». По его мнению, Мережковский не только не любит своих героев, но постоянно и настойчиво их компрометирует.

Особое место в литературно-критическом наследии Ильина занимает уже упоминавшаяся книга «О тьме и просветлении. Книга художественной критики». В ней автор анализирует с точки зрения духовных ценностей Православия творчество Бунина, Ремизова. Шмелева. По его мнению, этих писателей объединяет единство предмета и единство национального опыта.

Бунина Ильин считает художником внешнего опыта, мастером внешнего зрения, мастером изображения русской природы и тайн чувственной любви. Критик дает ему такую характеристику: «Бунин учтет показать вещь через ее запах с такой яркостью и силой, что образ ее как бы вонзается в душу». Ильин отмечает также и умение Бунина изобразить вещь через ее звук: «Он видит телесным глазом — точно, остро, тонко, обычно в „фокусе“». Поэтому, но мнению Ильина, особенно хорошо у Бунина получаются изображения душевных переживаний, связанных с чувственным естеством человека, с его инстинктивной жизнью — охотничья страсть, половое влечение, жадность, свирепая мстительность и пр. Описание же душевных переживаний героев несколько тяжеловесно. Причиной этого Ильин считает невозможность чувственным актом, присущим Бунину, изобразить движения души, требующие раскрытия акта внутреннего опыта.

По мнению Ильина, Бунин сознательно сводит человека к природной сущности. Ему дано такое видение мира и героя, каков его художественный акт. При этом сам Бунин чувствует наличие в мире духовного и божественного, однако выявить его не может. То, что Бунин полагает Богом, заключает Ильин, есть начало страшное, темное, стихийное. Сущность его творчества — страсть и демоническая жажда наслаждения, не знающая путей к Богу.

Ремизов для Ильина — художник, проявляющий свой талант

в мире фантазии, мифотворчества и словотворчества. В своем творчестве он опирается на сказки, легенды, христианские апокрифы, обряды, бытовые предания, поговорки, поверья, суеверия, заговоры.

Общая тональность произведений Ремизова — сострадание, ощущение братской вины за всех. Его героев характеризуют сострадание и любовь как выражение женского начала. «Ремизов вступил в жизнь с исключительно нежной сверхвпечатлительной душой, как бы от рождения обреченной на то, чтобы учиться в земной жизни, — долго, остро, всесторонне». Еще в детские годы обостренное чувствование обратило Ремизова внутрь себя, где он стал жить своей «затаенною» жизнью. И все же никакое отрешение от внешней жизни, никакое «затворничество» не избавляло Ремизова от боли и терзаний, возникавших по пустяковым поводам (с точки зрения подавляющего большинства людей). Художественная форма Ремизова при этом освобождена от каких-либо условностей и запретов.

Ильин назвал Ремизова юродивым в русской литературе. Особенностью художественного и человеческого видения Ремизова Ильин считал страдание. Многие его герои, как и сам автор, наделены как бы оголенной душой. Он испытывает чувство вины за страдания окружающего мира. И это чувство вины перед миром и жалость к нему неотделимы от страха и ужаса перед миром, ужаса восприимчивой души, увидевшей, как много зла на земле и в человеке. Писатель не приемлет безысходности, он начинает фантазировать в своем воображении, пытаясь поверить в им же самим сочиненную сказку. Однако иногда словотворчество Ремизова выходит из-под контроля, замечает Ильин, оно перестает служить средством изображения художественного предмета. И Ремизов начинает придумывать такие языковые обороты, за которыми трудно уловить что-то кроме «шалости» писателя. Ремизов, по словам Ильина, не упивается открывающимися ему темными глубинами человеческого существования, а мучается, и муки эти могли бы привести человека к свету. Однако Ремизов не открывает читателям путь просветления и очищения, путь, который помог бы животную муку человека превратить в страдание, духовное состояние, ведущее к Богу.

Высшим типом писателя Ильин считал И.Шмелева. Он называл его подлинно национальным и подлинно православным художником, сумевшим в своем творчестве выразить глубинную сущность русского человека, показать Россию в ее духовной устремленности как Святую Русь, а русского человека — простым и душевно открытым.

Герои Шмелева — люди, живущие с обнаженным сердцем, и потому чутко воспринимающие жизненную фальшь, холод, грубость. Они наделены жаждой правды и воплощают идею спасения души, мечту о совершенстве и жажду обретения его.

Ильин убежден, что за Россией земной живет, созерцает, молится и творит Россия духовная, сложившаяся в «суровой борьбе с прекрасной, но строгой русской природой, с ее пассивной терпеливостью, которая кажется слабостью, но которая перетерла и пережгла не одну исторически-стихийную силу». Особенностью русской поэзии Ильин считал естественность, безыскусность: «Она не есть продукт ума, ни продукт риторики. Она есть порождение и излияние русского сердца — но всей его созерцательности, страстной искренности, во всем его свободолюбии и дерзновенности, во всем его богоискательстве, по всей его непосредственной глубине». Русский поэт не описывает предметы, а перевоплощается в них, не рассказывает о них, а «поет из них». И вместе с тем русская поэзия, по мнению Ильина, своим вдохновенным языком выговаривает то, что у других народов уже давно стало достоянием публицистики. Самой же существенной особенностью русской поэзии он считал то, что для нее не существовало мелкого и ненужного. Она обладала способностью поэтизировать повседневность. Опоэтизированный мир и воспетый мир, по словам Ильина, становится ясновидческим и прозрачным, из него начинает сиять и лучиться сама Святая Русь. Наряду с этим Ильин отмечает и иные тенденции в русской поэзии, проявившиеся не без влияния «рассудочного прозаизма» Вольтера, мрачной и унылой «мировой скорби» Байрона. В русской поэзии того времени возникает и нарастает интерес к теме злого духа, оправдания его «непокорности».

Из скрещения демонической иронии и рассудочной полунауки, полагает Ильин, возникает тот «душевный уклад, который имел сначала вид светского разочарованного снобизма, потом позитивистского нигилизма, потом нигилистической революционности и, наконец, воинствующего безбожия, большевизма и сатанизма».

Особое место в литературно-критическом наследии Ильина занимает статья «Когда же возродится русская поэзия?». В ней философ связывает возрождение русской поэзии с грядущим духовно-религиозным возрождением России, с процессом «прикровенного, тайного возвращения к вере и молитве». По его словам, вся великая русская поэзия прошлого была «порождением чувства восторга, одушевления, вдохновения, света и огня — именно того, что мы называем сердцем и отчего душа человека

начинает петь…» С изживанием «великого сердечного созерцания» началось измельчание содержания поэзии, прекращение ее в стихослагательство, в своеобразную лабораторию словесных фокусов. Поэтому первой задачей настоящего поэта Ильин считал углубление и оживление своего сердца, второй — очищение и облагораживание своего духовного опыта. В этом, по его мнению, и истинный путь к великой поэзии, которая всегда и во всем ищет возвышенное, Божественное. Именно ощущение этого начала породило поэтический огонь Пушкина, восторг Языкова, мировую скорбь Лермонтова, ощущение бездны Тютчева, любовь к Отечеству А.К.Толстого.

Высокоодаренной, духовно сильной личностью и пророком называл Ильина немецкий философ В.Оффермане, выпустивший в 1979 году книгу пол названием «Дело жизни русского религиозного философа Ивана Ильина — обновление духовных основ человечества». Он отметил глубокое знание Ильиным шедевров во всех областях мирового искусства, на которое и опираются его рассуждения о художественном творчестве. «Он был тонким и взыскательным знатоком искусства, для которого всегда самое главное заключалось в духовной глубине, в добротности и внутреннем содержании произведения, а творить художественно означает служить Богу и нести людям радость».

Духовным завещанием Ильина можно назвать его последнюю крупную работу «Наши задачи». Ильин писал и публиковал ее малыми выпусками под эгидой РОВС (об этом уже упоминалось в разделе «Жизнеописание»), Наиболее существенные статьи из этой книги собраны в сборнике «О грядущей России», выпушенном Н.Полторацким.

В статье «Основная задача грядущей России» Ильин писал, что после прекращения коммунистической революции основной задачей русского национального спасения и строительства будет «выделение кверху лучших людей, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно-мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и распад, а дух освобождения, справедливости, сверхклассового единения». Этот новый ведущий слой он называл новой русской интеллигенцией. К ней и обращался он в своей статье с тезисами, определяющими «разум истории».

Тезисы эти можно изложить следующим образом.

• Ведущий строй не есть ни замкнутая «каста», ни наследственное или потомственное «сословие». По своему составу он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся новыми способными людьми и всегда готовое освободить себя от неспособных.

• Принадлежность к ведущему слою — начиная от министра и кончая мировым судьей, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем — есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности. Ранг в жизни необходим, неизбежен. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость к себе у того, кто выше, и беззаветная почтительность у того, кто ниже.

• Новая русская элита должна «блюсти и крепить авторитет государственной власти… Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе, достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней».

• Новый русский отбор должен быть осуществлен творческой национальной идеей. Безыдейная интеллигенция «не нужна народу и государству и не может вести его… Но прежние идеи русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революции и войн. Ни идея „народничества“, ни идея „демократии“, ни идея „социализма“, ни идея „империализма“, ни идея „тоталитарности“ — ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужна новая идея — „религиозная по духу и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию“». Эту идею Ильин определяет как идею русского Православного Христианства. Воспринятая Россией больше тысячи лет назад, она обязывает русский народ осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности.

Ильин считал, что русский народ нуждается в покаянии и очищении, и те, кто уже очистился, «должны помочь неочистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого Россию не возродить и величия не воссоздать. Без этого русское государство, после неминуемого падения большевизма, расползется в хлябь и в грязь».

Ильин прекрасно понимает не только необходимость прохождения очистительного процесса, но сложность его. Он уточняет, что все трудности покаянного очищения должны быть продуманы и преодолены: у религиозных людей — в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных — в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, и затем в порядке личного совестного делания. Покаянное очищение — это

всего лишь первый этап на пути к решению задачи по воспитанию нового русского человека. Ильин писал, что русские должны обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. Для этого русские люди должны:

• Научиться веровать по-новому, созерцать сердцем — цельно, искренно, творчески.

• Научиться не разделять веру и знание, вносить веру не в состав и не в метод, а в процесс научного исследования и кренить веру силою научного знания.

• Научиться новой нравственности, религиозно крепкой, христианско-совестной, не боящейся ума, не стыдящейся мнимой «глупости», не ищущей «славы», но сильной истинным гражданским мужеством и волевой организацией.

• Воспитать в себе новое правосознание — религиозно и духовно укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и родине.

• Воспитать в себе новое чувство собственности — заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви, воспитать в себе новый хозяйственный акт — в коем воля к труду и обилию будет сочетаться с добротою и щедростью, в коем зависть преобразится в соревнование, а личное обогащение станет источником всенародного богатства.

Пути спасения России Ильин видел не просто в обновлении экономики или идеологии, а в новом духовном опыте. Он полагал, что закон формализует жизнь человека, если нет благодати, то есть акта личностной встречи человека с Богом, в которой проявляются уже не внешние регулятивы жизни, а сокровенные духовно- нравственные качества личности. Для Ильина невозможна деятельность в сфере права, литературы, философии, педагогики без способности вчувствоваться в чужую душу, без совестной интуиции. Живая жизнь социальных предписаний (правовых, нравственных, эстетических) разрушается без укорененности их в чувственно-духовном мире человека.

ЦИТАТЫ

«ФИЛОСОФИЯ КАК ДУХОВНОЕ ДЕЛАНИЕ. ТРИ РЕЧИ»

«Философствование, как всякая познавательная практика, есть не внешнее умение или делание, но внутреннее; это есть творческая жизнь души…

Душа — это весь поток не-телесных переживаний человека, помыслов, чувствований, болевых ощущений; приятных и неприятных, значительных и незначительных состояний; воспоминаний и забвений, деловых соображений и праздных фантазий. Дух — это, во всяком случае, лишь те душевные состояния, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями, обращенными на познание, на созерцание или осуществление красоты, на совершение добра, на общение с Божеством — в умозрении, молитве и таинстве; словом, на то, что человек признает высшим безусловным благом».

«Философия больше, чем жизнь: она есть завершение жизни. Но жизнь первее философии: она есть ее источник и предмет».

«Философия родится в жизни и от жизни, как ее необходимое и зрелое проявление; не от быта и не от животного существования, но от жизни духа, от его страдания, созерцания и жажды. И. рожденная духом, ищущая знания, она восходит к его зрелой и совершенной форме — к сознательной мысли, с ее ясностью, систематичностью и доказательностью. Философствовать значит воистину жить и мыслью освещать и преображать сущность подлинной жизни».

«…Народ, утративший или выродивший свой подлинный чистый религиозный опыт, будет жить, вместо религии, пустыми суевериями или мертвыми обрядами; слабый в молве, немощный в богоиспытании. он будет мертвенно бесплоден в богопознании: его философия будет иметь скудный и бледный сверхчувственный опыт о Боге, а его философия религии будет нагромождать пустые и мертвые выдумки».

«Этим решается вопрос о связи между философией и жизнью: ибо жизнь есть страдание, ведущее к мудрости, а философия есть мудрость, рожденная страданием».

«ПУТЬ ДУХОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ»

О ВЕРЕ

«Человек верит в то, что он воспринимает и ощущает как самое главное в своей жизни. Скажи мне, что для тебя самое главное, и я скажу, во что ты веришь. Душа твоя прилепляется к тому, во что ты веришь, как бы живет и дышит им; ты желаешь предмета своей веры, ты ищешь его; он становится источником твоей радости и остается им даже тогда, когда тебе его не хватает. Здесь пребывают твои чувства и твое воображение. Словом, здесь реальный центр твоей жизни: тут твоя любовь, твое служение, тут ты идешь на жертвы. Здесь твое сокровище; а где сокровище твое, там и сердце твое — там и вера твоя».

«Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью; согласно этому закону, человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит».

«Жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть; ибо смерть есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний».

«Религия и церковь возможны только при наличии… глубокого и искреннего чувства и сильной, творческой веры, а это дается только жизненно-здоровому духу. <…> Необходимо такое содержание веры и такой ее уровень, которые бы были свободны от душеразрушительного влияния, от духовных ценностей и от начатков внутреннего предательства.

Однако во всех случаях и на всех путях жизни человек живет и умирает, или влача земные оковы своей веры, или несомый ее духовными крыльями…».

«Только духовный опыт — опыт, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию, государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии, — только он может указать человеку, что есть подлинно главное и ˆ ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы, бороться и умереть; открыть ему истинный и единственный Предмет религиозной веры. Надо, чтобы он в самом деле увидел духовными очами то, во что он будет отныне веровать, чтобы он подлинно испытал и узнал божественность Бога и прилепился к нему свободно и целостно — не понаслышке, не от усталости и от отчаяния, не из доверия к чужому авторитету, ибо слухи меняются, и усталость проходит, и чужой

авторитет может поколебаться».

«Иными словами: вся духовная культура возникает лишь из того и благодаря тому, что человек не ограничивает себя чувственно-внешним опытом, не отводит ему ни исключительного, ни хотя бы преимущественного значения, но, напротив, признает основным и руководящим духовный опыт, из него живет, любит, верует и оценивает все вещи, а следовательно, им же определяет и последний смысл и высшую цель внешнего, чувственного опыта, то есть сперва обретает „внутри себя“ Божественное начало, а затем представляет ему водительство во всей внешней жизни».

«Быть учеником в вопросах веры не значит заучивать формулы по указанию авторитетов; но значит бережно и ответственно углублять, очищать и расширять свое духовное чувствилище и его содержания; это значит припасть к духовно-религиозному опыту данной церкви как к некой „неупиваемой чаше“ (Шмелев) и пить содержащуюся в ней мудрость и зоркость — мерою, лично доступною и целительною. Такое ученичество не только не унизительно, а наоборот — оно в смирении своем мудро и в целительности своей возносящее».

«Самым глубоким и могучим источником духовного опыта и религиозной веры является любовь».

О ЛЮБВИ

«…Любовь есть радость, которая не покидает человека даже и в страдании, но светит ему сквозь все неудачи, лишения и огорчения, так, что он радуется и тогда, когда терпит муку; ибо знает, что он имеет в себе самом некое сокровище и чувствует, как от близости к этому сокровищу душа его заливается глубокой и тайной радостью, как бы неким блаженным светом. Оказывается, что любовь сама по себе, даже в отрыве от любимого предмета, есть уже счастье, в котором душа перестает каменеть, размягчается, становится как бы подвижной и легкой, гибкой и текучей; она нежно чувствует, поет и обращается ко всему миру с сочувствием и добротой. Любовь есть доброта — не только потому, что она окружает сочувствием свой любимый предмет, печется о нем, страдает и радуется вместе с ним, но и потому, что любовь сама по себе дает человеку счастье и вызывает у счастливого потребность — осчастливить все и всех вокруг себя и наслаждаться этим чужим счастьем как излучением своего собственного».

«Любовь только тогда не является простым и кратковременным вожделением, непостоянным и мелким

капризом плоти, когда человек, желая смертного и конечного, любит скрытую за ним бессмертность и бесконечность; вздыхая о плотском и земном, радуется духовному и вечному; иными словами — когда он ставит свою любовь перед лицом Божиим и Божиими лучами освещает и измеряет любимого человека…»

О СВОБОДЕ

«Внутренняя свобода отнюдь не есть отрицание закона и авторитета, то есть беззаконие и самомнение. Нет, внутренняя свобода есть способность духа самостоятельно увидеть верный закон, самостоятельно признать его авторитетную силу и самодеятельно осуществить его в жизни. Свобода есть не произвол, ибо произвол есть всегда потакание прихотям души и похотям тела. У свободного человека не произвол ведет душу, а свобода царит над произволом, ибо такой человек свободен и от произвола; он преобразил его в духовное, предметно обоснованное произволение».

«Государство обеспечивает людям право свободы. Но ни одному человеку не может быть предоставлено право на преступление. Истолковывать свободу как право на злодейство могут только — или совсем наивные люди, или преступники».

«…Всякая внешняя свобода — и формальная, и политическая — имеет свое единое лоно во внутреннем человеческом мире. Свобода есть нечто для духа и ради духа, свобода есть нечто в духе зреющее и от духа исходящее. Вне духа и против духа она теряет свой смысл и свое священное значение. Оторвавшись от духа — она обращается против него и попирает его священное естество. Обратившись против него, она перестает быть свободой и становится произволом и всепопиранием».

О СОВЕСТИ

«Совесть есть один из чудеснейших даров Божиих, полученный нами от Него. Это как бы сама Божия сила, раскрывающаяся в нас в качестве нашей собственной глубочайшей сущности. То, на что указывает нам совесть, к чему она зовет, о чем она нам вещает, — есть — нравственно-совершенное; не „самое приятное“, не „самое полезное“, не „самое целесообразное“ и т. п., но нравственно-лучшее, совершенное, согласно тому, как указано в Евангелии: „будьте совершенны, как совершен Отец Ваш Небесный“ (Мтф. 5:48)».

«Для того чтобы привести бессовестного человека к покаянию и обращению, необходимо, конечно, истинное искусство; но

прежде всего для него необходимо, чтобы сам обращающий не „проповедовал“ отвлеченно, исходя из своей черствости, сухости и пошлости, но взывал бы, исходя из собственного жизненного пламени, уверенно и властно, действуя и как бы заклиная, зажигая огонь в чужом сердце. Тот, кто рассуждает без любви, без веры и огня, кто сам не переживает поистине потрясающую силу совести и не отдается ей, не подчиняется ее действию, — тот носит в душе как бы мертвую пустыню, и его мертвый голос не вызовет ничего, кроме мертвого отголоска из расстилающейся перед ним пустыни. Только живое родит жизнь, дух пробуждается только на зов духа, какой любви может научить нелюбящий? Как может неискренний вызвать искру в угасшей душе?»

«Беда современного человечества состоит в том, что оно как бы разучилось переживать совестный акт и отдаваться ему, что весь его „ум“ и вся его „образованность“ есть мертвое и отвлеченное действие рассудка, недурно соображающего о „целесообразности“ разных средств, но ничего не разумеющего в вопросе о священных целях жизни. Беда в том, что современный человек научился „относиться критически“ к священной, иррациональной глубине совести, ограждать себя от ее голоса и иронически подсмеиваться над совестливыми людьми».

«Совесть есть живая и цельная воля к совершенному: поэтому там, где отмирает эта воля, качественность становится безразличной для человека и начинает уходить из жизни; все начинает делаться „недобросовестно“, все снижается, обесценивается, становится никому не нужным: от научного исследования до фабричного продукта, от преподавания в школе до ухода за скотом, от канцелярии чиновника до уборки улиц.

Совесть есть первый и глубочайший источник чувства ответственности.

Совесть есть основной акт внутреннего самоосвобождения.

Совесть есть живой и могущественный источник справедливости».

«Совесть не дает человеку никаких обобщений, эти обобщения человек придумывает сам. Совесть указывает человеку прежде всего и больше всего на единый, нравственно- лучший выход из данного жизненного положения; всеобщий рецепт совершенства извлекается из этого указания человеческим обобщающим рассудком».

«Совестный акт подобен скорее молнии, сверкающей из мрака, или мощному подземному толчку, как при землетрясении. Здесь нет по-человечески раскрытой разумности, но есть как бы некий ослепительный свет, озаряющий внутренние пространства души, от которого человек как бы мгновенно прозревает — ибо

совесть есть состояние нравственной очевидности».

«Совесть светит людям не только во время совестного акта, но и всю жизнь после него».

«Дело не в том, чтобы все люди стали праведниками; и неизвестно, осуществится ли и когда это неправдоподобное блаженство. Дело и том, чтобы каждое новое поколение расчищало в себе внутренние пути, ведущие к совести, и держало бы открытыми те священные ворота, за которыми она скрывается. Ибо бессовестное поколение, если оно придет когда-нибудь, погубит жизнь человека и его культуру на земле».

О СЕМЬЕ

«Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. Он призван строить этот союз на любви, на вере, и на свободе — научиться в нем первым совестным движениям сердца и — подняться от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения — родине и государству».

«В любовной и счастливой семье воспитывается человек с неповрежденным душевным организмом, который сам способен органически любить, органически строить и органически воспитывать. Детство есть счастливейшее время жизни: время органической непосредственности; время уже начавшегося и еще предвкушаемого „большого“ счастья; время, когда все прозаические „проблемы“ безмолвствуют, а все поэтические проблемы зовут и обещают; время повышенной доверчивости и обостренной впечатлительности; время душевной незасоренности и искренности: время ласковой улыбки и бескорыстного доброжелательства. Чем любовнее и счастливее была родительская семья, тем больше этих свойств и способностей сохранится в человеке, тем больше такой детскости он внесет в свою взрослую жизнь; а это значит — тем неповрежденнее останется его душевный организм. Тем естественнее, богаче и творчески продуктивнее расцветет его личность в лоне родного народа».

«Семья есть для ребенка первое родное место на земле; сначала — место-жилище, источник тепла и питания: потом место осознанной любви и духовного понимания. Семья есть для ребенка первое „мы“, возникшее из любви и добровольного служения, где один стоит за всех и все за одного. Она есть для него лоно естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытым священные врата совести. Она есть для него школа взаимного доверия и

совместного, организованного действования».

«…Семья есть первая естественная школа свободы: в ней ребенок должен в первый, но не в последний раз в жизни — найти верный путь к внутренней свободе: принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся строгости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиняться им и предоставлять своим собственным воззрениям и убеждениям свободно и спокойно созревать в глубине души».

«Семья есть данное от природы общественное единство — в жизни, в любви, в труде, в заработке и в имуществе. Чем прочнее, чем сплоченнее семья, тем обоснованнее является ее притязание на то, что творчески создали и приобрели ее родители и родители ее родителей. Это есть притязание на их хозяйственно-овеществленный труд, всегда сопряженный с лишениями, страданиями, с напряжением ума, воли и воображения; притязание — на наследственно передающееся имущество, на семейно приобретенную частную собственность, которая является сущим источником не только семейного, но и всенародного довольства».

«…Самое важное в воспитании — это духовно пробудить ребенка и указать перед лицом грядущих трудностей, а может быть, уже подстерегающих его опасностей и искушений жизни — источник силы и утешения в его собственной душе. Надо воспитывать в его душе будущего победителя, который умел бы внутренно уважать самого себя и утверждать свое духовное достоинство и свою свободу, — духовную личность, перед которой были бы бессильны все соблазны и искушения современного сатанизма».

«Особенностью здоровой и счастливой семьи — является спокойная, достойная дисциплина».

«Настоящая, подлинная дисциплина есть по существу своему не что иное, как внутреннее самообладание, присущее самому дисциплинированному человеку; Она не есть ни душевный „механизм“, ни так называемый „условный рефлекс“. Она присуща человеку изнутри, душевно, органически предписывается человеком самому себе. Поэтому настоящая дисциплина есть прежде все го проявление внутренней свободы, то есть духовного самообладания и самоуправления. Она принимается и поддерживается добровольно и сознательно».

О РОДИНЕ

«Великодержавие определяется не размером территории и не

числом жителей, но способностью народа и его правительства брать на себя бремя великих международных задач и творчески справляться с этими задачами. Великая держава есть та, которая, утверждая свое бытие, свой интерес, свою волю, вносит творческую, устрояющую, правовую идею во весь сонм народов, во весь „концерт“ народов и держав».

«Патриотизм есть любовь; — не просто „предпочтение“, „склонность“ или „привычка“. И если эта любовь не „пустое слово“ и не „поза“, то она есть инстинктивная прилепленность к родному. Поэтому патриотизм всегда инстинктивен. Но он не всегда духовен. И то, что должно быть достигнуто, — есть взаимное проникновение инстинкта и духа в обращении к родине».

«То, что любит настоящий патриот, есть не просто самый „народ“ его, но именно народ, ведущий духовную жизнь; ибо народ, духовно разложившийся, павший и наслаждающийся нечистью, — не есть сама родина, но лишь ее живая возможность».

«Люди связуются в единую нацию и создают единую родину именно в силу подобия их духовного уклада; а этот духовный уклад вырабатывается постепенно, исторически из эмпирической данности — внутренней, скрытой в самом человеке (раса, кровь, темперамент, душевные способности и неспособности), и внешней (природа, климат, соседи). Вся эта внутренняя и внешняя эмпирическая данность, полученная народом от Бога и от истории, должна быть проработана духом, причем она и со своей стороны формирует дух народа, то облегчая ему его пути, то затрудняя и загромождая их. В результате возникает единый национально-духовный уклад, который и связует людей в патриотическое единство».

«Национальная духовная культура есть как бы гимн, всенародно пропетый Богу в истории, или духовная симфония, исторически прозвучавшая Творцу… И ради создания этой духовной музыки народы живут из века в век, в работах и страданиях, в падениях и подъемах, то паря к небу, то влачась долу, — вынашивая своеобразную молитву труда и созерцания на поучение другим народам. И эта музыка духа своеобразна у каждого народа, и эта музыка духа есть Родина. И каждый человек узнает свою Родину потому; что его личная музыка духа откликается на ее всенародную музыку; — и, узнав, он врастает в нее так, как врастает единичный голос в пение хора».

О НАЦИОНАЛИЗМЕ

«Национализм есть любовь к духу своего народа и, притом, именно к его духовному своеобразию».

«Любить свой народ и верить в него, верить в то, что он справится со всеми историческими испытаниями, восстанет из крушения очистившимся и умудрившимся, — не значит закрывать себе глаза на его слабости, несовершенства, а может быть, и пороки. Принимать свой народ за воплощение полного и высшего совершенства на земле — было бы сущим тщеславием. Больным националистическим самомнением».

«Одним из соблазнов национализма является стремление оправдывать свой народ во всем и всегда, преувеличивая его достоинства и сваливая всю ответственность за совершенное им на иные „вечно-злые“ и „предательски-враждебные“ силы. Никакое изучение враждебных сил не может и не должно гасить в народе чувство ответственности и вины или освобождать его от трезво-критического самопознания: путь к обновлению ведет через покаяние, очищение и самовоспитание».

«Настоящий патриот видит не только духовные пути своего народа, но и его соблазны, слабости и несовершенства. Духовная любовь вообще не предается беспочвенной идеализации, но созерцает трезво и видит с предметной остротой. Любить свой народ — не значит льстить ему или утаивать от него его слабые стороны, но честно и мужественно выговаривать их и неустанно бороться с ними. Национальная гордость не должна вырождаться в тупое самомнение и плоское самодовольство; она не должна внушать народу манию величия».

«Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное родится именно в лоне национального опыта, духа и уклада. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к освященным огням жизни, ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли».

«Национальное обезличение есть великая беда и опасность в жизни человека и народа.

Напрасно было бы указать на то, что национализм ведет к взаимной ненависти народов, к обособлению, „провинциализму“, самомнению и культурному застою. Все это относится к больному, уродливому, извращенному национализму и совершенно не касается духовно здоровой любви к своему народу».

«…Национальность человека определяется не его произволом, а укладам его инстинкта и его творческого акта,

укладом его бессознательного и, больше всего, укладом его бессознательной духовности. Покажи мне, как ты веруешь и молишься; как просыпаются у тебя доброта, геройство, чувство чести и долга; как ты поешь, пляшешь и читаешь стихи; что ты называешь „знать“ и „понимать“, как ты любишь свою семью; кто твои любимые вожди, гении и пророки, — скажи мне все это, а я скажу, какой нации ты сын: и все это зависит не от твоего сознательного произвола, а от духовного уклада твоего бессознательного.

А уклад этот слагается, формируется и закрепляется прежде всего и больше всего — в детстве. Воспитание детей есть именно пробуждение их бессознательного чувствилища к национальному духовному опыту, укрепление в нем их сердца, их воли, их воображения и их творческих замыслов.

Бороться с национальным обезличиванием наших детей мы должны именно на этом пути: надо сделать так, чтобы все прекрасные предметы, впервые пробуждающие дух ребенка, вызывающие в нем умиление, восхищение, преклонение, чувство красоты, чувство чести, любознательность, великодушие, жажду подвига, волю к качеству — были национальными, у нас в России — национально-русскими; и далее: чтобы дети молились и думали русскими словами; чтобы они почуяли в себе кровь и дух своих русских предков и приняли бы любовью и волею — всю историю, судьбу; путь и призвание своего народа; чтобы их душа отзывалась трепетом и умилением на дела и слова русских свитых, героев, гениев и вождей».

«Язык вмещает в себя таинственным сосредоточенным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа».

«Русская песня глубока, как человеческое страдание; искренна, как молитва, сладостна, как любовь и утешение…».

«Сказка будит и пленяет мечту. Она дает ребенку первое чувство героического — чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы; она учит его мужеству и верности; она учит его созерцать человеческую судьбу, сложность мира, отличие „правды и кривды“. Она заселяет его душу национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает себя и свою судьбу; исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее. В сказке народ схоронил свое вожделенное, свое ведение и ведовство, свое страдание, свой юмор и свою мудрость. Национальное воспитание неполно без национальной сказки».

«Русский народ имеет единственную в своем роде поэзию, где мудрость облекается в прекрасные образы, а образы становятся

звучащей музыкой. Русский поэт одновременно — национальный пророк и национальный музыкант. И русский человек, с детства влюбившийся в русский стих, — никогда не денационализируется».

«Душа русского человека должна раскрыть в себе простор, вмещающий всю русскую историю так, чтобы инстинкт его принял в себя все прошлое своего народа, чтобы воображение его увидело всю вековую даль, чтобы сердце его полюбило все события русской истории… Мы должны освоить волею наше прошлое и волею замыслить наше будущее.

История учит духовному преемству и сыновней верности».

«Сердце человека вообще принадлежит той стране и той нации, чью армию он считает своею. Дух воина, стоящего на страже правопорядка внутри страны и на страже родины в ее внешних отношениях — отнюдь не есть дух „реакции“, „насилия“ и „шовинизма“, как думают иные даже до сего дня. Без армии, стоящей духовно и профессионально на надлежащей высоте, — родина останется без обороны, государство распадется и нация сойдет с лица земли».

«Русский человек должен знать и любить просторы своей страны: ее жителей, ее богатства, ее климат, ее возможности, — так, как человек знает свое тело, так, как музыкант любит свой инструмент; так, как крестьянин знает и любит свою землю».

«Родина есть дух народа во всех его проявлениях и созданиях; национальность обозначает основное своеобразие этого духа. Нация есть духовно своеобразный народ; патриотизм есть любовь к нему, к духу, его созданиям и к земным условиям его жизни и цветения.

Истинный патриот любит дух своего народа, и гордится им, и видит в нем источник величия и славы именно потому, что выше Духа и прекраснее Духа на земле нет ничего, и еще потому, что его личный дух следует путям его народа. И вот, каждый народ есть по духу своему некая прекрасная самосиянность, которая сияет всем людям и всем народам и которая заслуживает и с их стороны любви и почтения. И радости. Каждое истинное духовное достижение — в звании, и в добродетели, в религии, в красоте или в праве — есть достояние общечеловеческое, которое способно объединить на себе взоры, и чувства, и мысли, и сердца всех людей, независимо от эпохи, нации и гражданской принадлежности».

«Интернационализм отрицает родину, и национальную культуру, и самый национализм, и духовный акт своеобразно-национальной структуры. Интернационалист, будучи духовно никем, желает сразу стать „всечеловеком“; и это не удается ему;

ибо всечеловечество есть духовное состояние, которое может быть доступно только духовно и национально самоутвердившемуся человеку: То, что откроется бездуховному интернационалисту, будет не „всечеловечество“, а элементарная животная низина, которая даст не культурный подъем и расцвет, а всеснижение и всесмешение.

Напротив, сверхнационализм утверждает родину, и национальную культуру, и самый национализм, и особенно — духовный акт своеобразно-национального строения. Человек приемлет и дух своей семьи, и дух своего народа, и в них растет и зреет; он не „никто“; он имеет оплодотворяющее и ведущее его духовное русло. И именно оно дает ему возможность подняться на ту высоту, с которой перед ним откроется „всечеловеческий“ духовный горизонт».

«Настоящий патриот чует больше всего дух своего народа, и притом так, что самый национальный уклад и быт пронизан для него насквозь лучами этого духа: это есть для него живое единство, которое он любит цельно и крепко. Он воспринимает национальные особенности родного ему народа как свои собственные; и питается не просто его духовностью, но и его национальностью».

«Настоящий патриот не способен ненавидеть и презирать другие народы, потому что он видит их духовную силу и их духовные достижения. Он любит и чтит в них духовность их национальной культуры, хотя национальный характер их культуры может казаться ему странным, чуждым и даже неприятным».

«Истинный патриот не только не слеп к духовным созданиям и достижениям других народов, но он стремится постигнуть и усвоить их, чтобы приобщить к ним свой народ. Чтобы обогатить ими его жизнь, углубить его путь и восполнить его творчество. Любить свою родину совсем не значит отвергать всякое иноземное влияние, но это не значит и наводнять свою культуру полою водою иноземщины».

«Национализм есть правая и верная любовь личного „я“ к тому единственному для него национальному „мы“, которое одно может вывести его к великому, общечеловеческому „мы“. Человек может найти общечеловеческое только так: углубить свое духовно- национальное лоно до того уровня, где живет духовность, внятная всем векам и народам.

Единение человека с его народом — единение национальное и патриотическое — слагается обычно в форму правовой связи и принимает вид государственного единения. Вследствие этого национализм и патриотизм живут в душе в теснейшей связи с

государственным правосознанием. Инстинкт, дух и чувство права, восполняя друг друга, создают в душе ту цельную, мужественную и нравственно-прекрасную энергию, которая необходима для героической обороны родины и которая, в то же время, не позволяет человеку впадать в состояние мирозавоевательной алчности. Эта энергия есть проявление „естественного правосознания“».

«Любить родину значит любить не просто „душу народа“, то есть его национальный характер, но именно духовность его национального характера и в то же время национальный характер его духа».

«Народы при всех условиях призваны видеть друг в друге — не материал для завоевания и порабощения, а субъектов естественного и международного права: и поэтому они призваны рассматривать свои взаимные споры как споры о праве. Только при таком понимании и восприятии дела — национализм, обоснованный духовно, будет постепенно преодолевать в себе свой опасный шовинистический уклон: ибо любовь к своему народу не есть неизбежно ненависть к другим народам; самоутверждение не есть непременно нападение; отстаивание своего совсем не означает завоевывание чужого».

«Любить свою родину не значит считать ее единственным на земле средоточием духа; ибо тот, кто утверждает это, не знает вообще, что есть Дух, а потому не умеет любить и дух своего народа; его удел — звериный национализм. Нет человека, нет народа, который был бы „единственным“ средоточием духа, ибо дух живет по-своему во всех людях и во всех народах. Истинный патриотизм и национализм есть любовь не слепая, а зрячая: и парение ее не только чуждо добру, и справедливости, и праву, и, главное, Духу Божию, но есть одно из высших проявлений духовности на земле».

О ПРАВОСОЗНАНИИ

«Первое правило правосознания гласит: соблюдай добровольно действующие законы и борись лояльно за новые, лучшие.

Во-вторых, гражданин призван добровольно признавать и соблюдать законы своей родины потому, что это единственный способ — поддерживать правопорядок и в то же время оставаться в нем свободным.

Третье правило здорового, творческого правосознания: пусть всякое действующее, положительное право — будь то закон или полномочие, приговор или запрет, юридический обычай или

повинность — будет освещено и облагорожено лучами, исходящими из глубины естественного, христиански-воспитанного правосознания».

О ГОСУДАРСТВЕ

«Государство, в его духовной сущности, есть не что иное, как родина, оформленная и объединенная публичным правом, или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы, и сложившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания».

«Высшая цель государства отнюдь не в том, чтобы держать своих граждан в трепетной покорности, подавлять частную инициативу и завоевывать земли других народов, но в том, чтобы организовывать и защищать родину на основе права и справедливости, исходя из благородной глубины здорового правосознания».

«Духовный смысл гражданства и жизненная сила его нуждаются в свободной любви гражданина и в его добровольном самообязывании; необходимо, чтобы формальная причисленность к государству не оставалась пустой и мертвой видимостью, но была исполнена в душе гражданина живым чувством, лояльною волею, духовной убежденностью; необходимо, чтобы государство жило в душе гражданина и чтобы гражданин жил интересами и целями своего государства».

«Сущность государства состоит в том, что все его граждане имеют и признают — помимо своих различных и частных интересов и целей — еще единый интерес и единую цель. А именно: общий интерес и общую цель: ибо государство есть некая духовная община».

«Политическая цель — это та цель, про которую каждый гражданин может сказать: „это моя цель“; и будет при этом прав: и про которую он должен добавить: „это не только моя цель“; и про которую все граждане вместе и сообща могут добавить: „это наша общая цель“; и будут при этом правы».

«Государство не призвано опускаться до частного интереса отдельного человека; но оно призвано возводить каждый духовно-верный и справедливый интерес отдельного гражданина в интерес всего народа и всего государства. Если государство это делает или, по крайней мере, стремится к этому, то оно выполняет свое духовное и христианское призвание, становится через это социальным государством и воспитывает этим своих граждан в духе христианской политики. И тогда оно становится орудием всеобщей солидарности и гражданского братства».

«Нет государства, состоящего из одного класса; и создать такое государство невозможно. Ибо жизнь покоится на разделении труда. На специализации умений, на потомственной культурной традиции и на самостоятельности творческой инициативы. Поэтому попытка одного класса победить и подавить или тем более искоренить все остальные классы заранее обречена на неудачу; ничего кроме расстройства жизни, всеобщего обнищания, культурного разложения и бесконечной гражданской войны из этого не выйдет».

О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

«Частная собственность связана с человеческою природою, с телесным и душевным устройством человека. С жизнью человеческого инстинкта. С теми внутренними мотивами, которые заставляют человека трудиться над внешними вещами и строить хозяйство. Эти внутренние мотивы, эти инстинктивные побуждения к труду нельзя „разрушать“ или „отменять“ безнаказанно. Частная собственность зовет человеческий инстинкт к труду; отменяя ее, надо заменить ее зов чем-нибудь равносильным. Но „идеал“ всеобщей зависимости, принудительности и несправедливости не заменяет этого зова ничем; напротив, он может вызвать только тяжелое отвращение к работе, настоящее бегство от труда. Всеобщую надежду на хозяйственную безуспешность нового строя, безмолвную всеобщую стачку личных инстинктов. И это самоизвлечение массового инстинкта, из хозяйственного процесса будет столь же естественным и психологически понятным, сколь фатальным для коммунистического строя.

А это означает, что введение коммунизма не только не скомпрометирует идею частной собственности, но окончательно реабилитирует ее».

«Каждый человек должен иметь в жизни такое „место“, где он мог бы хозяйственно- творчески стоять на ногах; ту сферу, о которой он имел бы право сказать: „мое, а не твое“. Это создаст из него живую ячейку общественного хозяйства и облегчит ему беззависимое и лояльное признание чужого достояния: „твое, а не мое“. Чем больше в народе таких живых хозяйственных ячеек, тем прочнее частнособственнический строй жизни. Напротив, чем больше в стране омертвевших хозяйственных ячеек, чем больше людей утратило хозяйственно-творческую почву под ногами, чем больше в народе кандидатов на звание „безработного“, а потом и настоящих безработных — тем ближе частнособственнический строй к катастрофе. Опасно не различие между богатым и

бедным, а хозяйственная беспочвенность среди бедноты. Творческая бесперспективность среди низшего имущественного слоя».

«Частная собственность должна быть утверждена, но народ должен систематически воспитываться к верному пониманию ее идеи. Это воспитание должно связать внутреннее переживание частной собственности и внешнее распоряжение ею — с благородными мотивами и социальными побуждениями человеческой души и соответственно вскрывать и обезвреживать дурные мотивы и побуждения. Частная собственность есть власть: непосредственно — над вещами, но опосредованно — над людьми. Нельзя давать власть, не воспитывая к ней.

Частная собственность есть свобода. Нельзя предоставлять свободу, не приучая к ее благоупотреблению. Частная собственность есть право: этому праву соответствуют не только юридически-выговоренные обязанности, но и нравственно-социальные, и патриотические — нигде не оформленные и не выговоренные обязательства. Частная собственность означает самостоятельность и самодеятельность человека: нельзя исходить из предположения, что каждый из нас „от природы“ созрел к ней и умеет ее осуществлять в жизни.

Только сильный и духовно воспитанный дух сумеет верно разрешить проблему частной собственности и создать на ее основании цветущее и социальное хозяйство. И в этом отношении частная собственность подчинена всем основным законам человеческого духа».

РЕЗЮМИРУЮЩИЕ

«Таков утверждаемый нами путь духовного обновления. Таковы первые, фундаментальные вопросы человеческого бытия, древние как мир и в то же время требующие от нас новой очевидности, нового постижения и нового осуществления. Это необходимые человеку формы духовной жизни. Они представляют собою некое органическое единство, цельное и нерасторжимое: и ни одна из этих форм не может быть по произволу отвергнута или отдана в жертву мировому соблазну.

Надо научиться веровать. Не „верить“ вопреки разуму и без оснований, от страха и растерянности. А веровать цельно, вместе с разумом, — веровать в силу очевидности, загоревшейся в личном духовном опыте и не могущей угаснуть.

Такая вера добывается любовью, духовной любовью к совершенному. Верование и любовь связаны воедино: в человеческой душе, в глубине личного сердца (субъективно) и

там, вверху, в самом духовном предмете (объективно). Кто полюбит качество, тот уверует в Бога; кто полюбит Бога, тот уверует в качество и возжелает совершенного в земных делах.

Мы должны научиться свободе. Ибо свобода не есть удобство жизни или приятность. Или „развязание“ и „облегчение“, — но претрудное задание, с которым надо внутренне справиться. Свобода есть бремя, которое надо поднять и понести, чтобы не уронить его и не пасть самому. Надо воспитывать себя к свободе, надо созреть к ней, дорасти до нее, иначе она станет источником соблазна и гибели.

Мы должны научиться совестному акту. Он откроет нам живой путь к восприятию Бога и к вере. Он научит нас самоотверженной любви. Он даст нам величайшую радость — радость быть свободным в добре.

Мы должны научиться чтить, и любить, и строить наш семейный очаг — это первое. Естественное гнездо любви, веры, свободы и совести, эту необходимую и священную ячейку родины и национальной жизни.

Мы должны научиться духовному патриотизму — научиться обретению родины и передать это умение всем другим, кто соблазнился о своей родине и пошатнулся в сторону интернационализма. Мы должны понять, что люди связуются в единую родину силою веры, любви, внутренней свободы, совести и семейного духа, силою духовного творчества во всех его видах; и, увидев это, мы должны утвердить наше священное право быть единой, духовной нацией.

Истинный национализм есть как бы завершительная ступень в этом восхождении. И в нем, как в фокусе, собираются все другие духовные лучи.

Эти вечные основы слагают единую атмосферу, единый путь, который необходимо прочувствовать и усвоить, чтобы на вопрос, „во что же нам верить“, мы могли бы ответить живою верою: в Бога, в любовь, в совесть, в семью, в родину и духовные силы нашего народа, начиная с Бога и возвращаясь к Нему, утверждая, что и любовь, и свобода, и совесть, и семья, и родина, и нация — суть лишь пути, ведущие к Его постижению и к Его осуществлению в земной жизни человека».

«ПУТЬ К ОЧЕВИДНОСТИ»

«Человек должен научиться этому новому созерцанию, воспринимающему и природу, и человека, и высшие предметы потустороннего мира — любовью: любовь, по завету Евангелия, должна стать первою и основною движущею силою и создать новую культуру на земле. Человек должен понять, что привычные для него вопросы — „а какая мне от этого польза?“ и „как я могу использовать это против других?“ — суть вопросы, достойные животного, а не человека и что такая установка души не может создать великую и жизнеспособную духовную культуру. Культурное творчество требует от нас предметного служения, духовной преданности и жертвенности, то есть <…> любви и созерцания».

«Духовность человека состоит, прежде всего, в уверенности, что в пределах его собственной души есть лучшее и худшее, на самом деле лучшее; такое, качество и достоинство которого не зависит от человеческого произвола; такое, которое надлежит признать и перед которым подобает преклониться.

В основе подлинной духовной культуры лежит личная, искренняя религиозность культурно-творящего человека. Религиозность есть живая первооснова истинной культуры. Она несет человеку именно те дары, без которых культура теряет свой смысл и становится просто неосуществимой: чувство предстояния, чувство задания и призванности, и чувство ответственности».

«Свобода, вообще говоря, не „дается“, а „берется“; она берется духом, как его неотъемлемое достояние, и соблюдается им, как неотчуждаемая святыня».

«Дух человека есть личная энергия, и притом разумная энергия; разумная не в смысле „созерцания“ или „рассудочного мышления“, а в смысле предметного созерцания, зрячего выбора и действия в силу духовно-достаточного основания. Так созерцал; так возлюбил; так выбрал; так совершил; и потому признаю это деяние моим деянием, поддерживаю его основания и мотивы и принимаю на себя ответственность за совершенное, признаю свою ошибку за ошибку, свое „заранее обдуманное намерение“ признаю за таковое, — и вина моя, и заслуга (если она есть) моя, и последствия мною совершенного я готов нести и за них отвечать. Неспособный к этому не может считаться ни деятелем, ни человеком с характером, ни морально зрелой личностью, ни творцом культуры, ни воспитателем, ни врачом, ни священником, ни солдатом, ни судьей, ни политиком, ни гражданином. Он есть

робкий обыватель, трус, карьерист или ловчила».

«Не следует сводить человека к его „сознанию“, мышлению, рассудку или „разуму“: он больше всего этого. Он глубже своего сознания, он проницательнее своего мышления, могущественнее своего рассудка, богаче своего разума. Сущность человеческого существа — утонченнее и превосходнее всего этого. Его определяет и ведет не мысль и не сознание, но любовь, даже и тогда, когда она в припадке отвращения судорожно преобразуется в ненависть и окаменевает в злобе. Человек определяется тем, что он любит и как он любит. Он есть бессознательный кладезь своих воззрений, безмолвный источник своих слов и поступков; он есть подземный ручей своих пристрастий и отречений, своих мечтаний и страстей; он есть гармония и дисгармония своих „неодолимых“ влечений».

«Дух есть не привидение, не иллюзия. Он есть подлинная реальность, и при том драгоценная реальность, — самая драгоценная из всех. Тот, кто жаждет духа, должен заботиться об обогащении своего опыта; не о наполнении своей памяти из чужих книг и не об изощрении своего ума умственной гимнастикой; но о разыскании и непосредственной жизни всего того, что придает жизни высший смысл, что освящает ее. Один найдет этот творческий смысл жизни в природе, другой — в искусстве, третий — в глубине собственного сердца, четвертый — в религиозном созерцании. Каждый должен найти собственную дверь, ведущую в это царство; каждый должен найти ее сам и самостоятельно переступить через порог».

«Человеческий ум должен найти путь к вере, — не к суеверию, запугивающему нас, и не к пустоверию, проявляющему нашу глупость, — а к созерцательной вере, разумной и светлой, к вере „достаточного основания“. Человек должен победить в себе ложный стыд и не стыдиться своего сердца. Мысль должна примириться с творческим, предметным воображением и опять стать созерцающей, интуитивной и прозорливой. Артистическая фантазия должна пройти через школу предметной интенции и духовной ответственности. Формальная и разнузданная воля должна подчинить себя сердцу и совести… Тогда рассудок научится взирать и видеть и станет разумом; а созерцающий разум станет повиноваться сердцу. Так что все пути будут вести к сердцу и исходить из сердца. Ибо сердечное созерцание, совестная воля и верующая мысль суть три великие силы нашего будущего, которые справятся со всеми проблемами, неразрешимыми как для бессердечной свободы, так и для противосердечного тоталитаризма. Для разрешения их нужен цельный, целостный, исцеленный человек, заповеданный нам

Евангелием».

«АКСИОМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА»

«…Человек идет верным путем к Богу — не тогда, когда он вожделеет, боится или выпрашивает себе земное благополучие; и не тогда, когда он ищет власти и предается магии; и не тогда, когда он силится „понять“ Бога рассудком или „вообразить“ Бога земным воображением; и не тогда, когда он жаждет гипнотического подчинения и решает заставить себя уверовать в то, что ему предпишет избранный им или навязанный ему авторитет… Но тогда, когда он свободно и цельно любит Совершенство и лучом своей любви видит это сущее Совершенство в Боге».

«КРИЗИС БЕЗБОЖИЯ»

«Бог не есть материальная вещь, находящаяся в пространстве: и человек, который не может или не хочет воспринять что-нибудь другое, который не понимает, что есть непротяженные реальности, непространственное бытие, нематериальные предметы; человек, который на все замахивается вопросом — „где это находится?“, который желает все видеть телесным глазом, осязать пинцетом или определять химической формулой, который желает — „все похерити. что не можно ни взвесить, ни смерити“, — этот человек подобен тому существу, которое не знало, откуда берутся желуди, и не знало именно потому, что не умело поднять вверх своей головы — или, по нашей терминологии, не умело изменить свой восприемлющий акт. Смотрящий в землю — не увидит звезд. Прилепившийся к внешнему опыту — не увидит реальностей внутреннего опыта. Человек, лишенный творческого воображения, — ничего не создаст в искусстве. Человек, подавивший в себе совесть, — не отличит добра от зла: ибо совесть есть верный орган, верный акт восприятия этих предметов. Безвольный человек не может править государством. Человек, искоренивший в себе или растливший в себе духовное, — не воспримет Бога».

«Цивилизованное человечество наших дней оскудело духом и любовью и ожесточилось. Причины этого процесса глубоки и сложны — и заложены в веках; если свести их к единой формуле, то надо было бы сказать: торжество рассудка над вдохновением, расчета над сердцем, механического над органическим, внешнего опыта над внутренним опытом».

«Вера в Бога есть главное и единственное, что может освятить земной труд человека, осмыслить его строительство и его хозяйство, вдохнуть в процесс хозяйствования дух творчества, художества, качественности, дух доброты, справедливости и щедрости. Русская пословица давно высказала это: „без Бога — ни до порога“ и была права и мудра в этом. И обратно: там, где воцаряется безбожие — иссякают глубочайшие и чистейшие ключи духа, питающие и освящающие жизнь человека на земле. Безбожие означает, что в человеке иссякает духовность и любовность: ибо тот, кто живет духом и любовью, тот не только видит Бога в духовных небесах, но несет Его в самом себе».

«Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью. Согласно этому закону, человек неизбежно уподобляется тому, к чему он прилепляется любовью, верою и помыслами. Чем сильнее и цельнее его прилепленность, тем явственнее и

убедительнее обнаруживается этот закон. Это понятно: душа человека пленяется тем, во что она верит, и оказывается как бы в плену; это содержание начинает господствовать в душе человека, поглощает ее силы и заполняет ее объем. Человек ищет своего любимого предмета, занимается им явно и втайне. Он медитирует о нем — то есть сосредоточенно помышляет о нем всеми своими душевными силами. Вследствие этого душа вживается в этот предмет, а самый любимый и веруемый предмет проникает в душу до самой ее глубины. Возникает некое подлинное и живое тождество: душа и предмет вступают в тесное единение и образуют новое живое единство. И тогда мы видим, как в глазах у человека сияет или сверкает предмет его веры: то, во что ты веришь, сжимает трепетом твое сердце, напрягает в минуту поступка твои мускулы, направляет твои шаги, прорывается в словах и осуществляется в поступках.

Так обстоит всегда. Если человек верует в Бога или хотя бы в божественное начало, проявляющееся в земных явлениях и обстоятельствах, то божественные содержания становятся для него жизненным центром — и в созерцаниях, и в поступках, чем-то важнейшим, главнейшим, любимым, искомым, желанным, и в силу этого — всегда присутствующим в душе обстоянием.

Веровать в Бога — значит стремиться к созерцанию Его, молитвенно медитировать о Нем, наполнять свою душу Его благою и совершенною волею. От этого усиливается и разгорается божественный огонь в человеке; он очищает его душу и насыщает его поступки. На высоких ступенях такой жизни возникает некое живое и таинственное единение между человеком и Богом, о котором так вдохновенно писал Макарий Великий, характеризуя это единение как „срастание“ или „сращворение“, от которого душа становится „вся светом, вся оком, вся радостью, вся упокоением, вся любовью, вся милосердием, вся благостию и добротою“.

„Если человек верит только в чувственные наслаждения, принимая их за главнейшее в жизни, их любя, им служа и предаваясь, — то он сам неизбежно превратится в чувственное существо, в искателя земных удовольствий, в наслаждающееся бездуховное животное: и это будет выражаться в его лице и в его походке, смотреть из его глаз и управлять его поступками. Если человек верит в завистливое равенство, в насилие, в классовую ненависть и борьбу, то он неизбежно станет и сам профессиональным завистником и ненавистником, и в глазах его выразится свирепость и кровожадность. Медитирующий о разбое — становится разбойником, медитирующий о саване — получает дьявольское выражение в лице и начинает совершать дьявольские

поступки“.

„Творческое вдохновение родится из любви к совершенству и воли к качеству; оно есть воля к совершенному созданию: его нельзя предписать, оно приходит только в божественной свободе. Оно есть состояние свободной духовной любви, творчески напрягающей все силы человека. Вот почему вдохновение так близко к молитве и к подвигу. Оно есть веяние силы Божией в нас. И именно поэтому так плоски, так мертвы, так штампованно-механичны, так безвдохновенны и бесплодны проявления безбожников: пошлы и тривиальны их книги, механичны и мертвенны их картины, штампованны и плоски их речи, искусственно-фальшив их пафос, бесплодны, обманны, декоративно-рекламны их труды и создания.

Безбожное человечество есть безвдохновенное человечество. И ныне мы переживаем его кризис“.

„То, что создала наша наука, есть порождение искренней, хотя иногда и прикровенной, религиозности. Великий ученый есть вдохновенный ученый, вдохновенно верующий в Бога и созерцающий тайны Его мира. Истинная наука не только не исключает веру в Бога, но предполагает ее в душе человека. Вера дает ученому: творческое изумление (Аристотель), живое чувство тайны, истинную ответственность, подлинную осторожность в суждениях, предметную скромность, волю к подлинной истине, силу живого созерцания. Поистине нет, не было и не будет великого искусства без вдохновения — ни поэзии, ни живописи, ни музыки, ни архитектуры. Вдохновение же есть состояние не мутной взволнованности страстей, не телесного томления или возбуждения, но состояние предметной чуткости и зоркости, состояние восторга перед раскрывшейся тайной и отстоявшейся глубиной. Во вдохновении человек духовно презирает божественное обстояние. Корни художественного искусства заложены в той глубине человеческой души, где проносятся веяния Божьего присутствия. Пусть поэты, выражаясь условно и аллегорически, относят эти веяния к „музам“, к „Аполлону“ или к иным язычески поименованным „небожителям“… Пусть встречаются великие поэты, живописцы и музыканты, которым не удалось церковно оформить свое художественное общение с Богом… Это остается их личной неудачей. Их искусство же, если оно действительно велико и глубоко, всегда носит в себе следы веяния Божия, Его присутствия, Его благодати. И не только тогда, когда они заимствуют свои темы и сюжеты из сферы религиозно-церковного опыта, но и тогда, когда они пишут на „светские“ темы и сюжеты.

Истинное, художественное искусство почерпает свой Предмет

из религиозной глубины, из сферы веяний Божиих, даже и тогда, когда рисуемые им образы природы и людей не содержат во внешней видимости ничего церковного и религиозного“.

„…Право по самому глубокому существу своему есть атрибут не инстинкта, а духа; иными словами, оно есть форма жизни не одушевленного животного, а одухотворенного и поэтому нуждающегося в свободе и самодеятельности существа. Инстинкт имеется и у животных, но они лишены правосознания и не могут быть субъектами права. Субъект правосознания и права есть разумный и духовный личный центр, способный к внутреннему самообладанию и самоуправлению. Это духовный организм, имеющий в своем внутреннем мире критерий добра и зла, должного и недолжного, позволенного и запретного, и способный руководить своей внутренней и внешней жизнью. Это духовная личность, способная иметь родину, любить ее, служить ей, бороться за нее и умирать за нее. А это значит, что субъект права и правосознания вырастает из того глубокого и священного слоя души, где господствуют веяния Божии, где душа человека и Дух Божий пребывают в живом соприкосновении, в таинственном и благодатном единении. Напротив, безбожник — это человек, отвергающий в себе этот таинственный источник священного, это „духовное место“ откровений, зовов и молитв, всю эту сферу предметного предстояния. Вот почему он презирает свободу и попирает право, извращает государственную жизнь, отрицает родину, тянет к интернационализму и проповедует предательство своей страны“.

„Право и государство без правосознания — не возможны и нелепы, а безбожники попирают правосознание, разлагают и отрицают его. Поэтому все, что они создают под видом и под именем „государства“, есть мертворожденное построение: механизм страха и рабства: каторга бесправия, произвола и принуждения; система унижения; „политическая“ декорация для обмана подслеповатых путешественников“.

„У человека всегда была потребность осмыслить и освятить свой хозяйственный труд на земле: связать его с высшей жизненной ценностью, поставить ему великую и благородную цель, пропитать хозяйствующую душу — памятью о Боге и о Его заповедях. Это — потребность здоровая и мудрая. Она стремится утвердить хозяйственный труд, как дело доброе, как дело сложения, — не дать ему превратиться в машинную суету; в суетную толкотню, в жадное рвачество, в жестоковыйную эксплуатацию человека человеком… Она стремится связать труд и движущий его инстинкт самосохранения с духом и вдохновением, построить его на любви к природе и ближним,

осмыслить его как художественное формирование внешних вещей. Она стремится породнить человека с природой“ с ее величавой мерностью, с ее сокровенной красотой, с ее таинственной целесообразностью и органичностью. Она стремился соединить в хозяйстве расчетливый инстинкт с сердечной добротой, умерить жадность любовью, исцелить скупость щедростью, связать хозяйствующих людей — по-Божьи. совестью, солидарностью, состраданием, взаимопомощью.

Было время, когда многим казалось, что современный социализм, а может быть, и коммунизм, призваны оправдать и осуществить все это лучше, чем это удалось доселе христианскому обществу. Ныне, после того, как безбожие развернуло свою жизненную программу и свой способ строительства, все начали понимать, насколько вредны и бесперспективны были эти надежды. Не носящий Бога в своем сердце и не видящий божественного начала в своих ближних может создавать только механическое общество и механическое хозяйство. Безбожное хозяйство строится не на духе и не на естественном инстинкте человека, а на отвлеченной выдумке и на принуждении, на искусственно создаваемой всеобщей повальной нищете и зависимости, на механическом рабстве и на страхе перед насилующим центром.

В таком хозяйстве человек превращается в голое средство, в машину, в ограбленного раба: человек человеку становится эксплуататором и убийцей».

«О РУССКОЙ ИДЕЕ»

«Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно и передающего свое видение воле для действия и мысли, для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию. А пока не умеют или не хотят узнать, отвертываются, судят о России свысока и говорят о ней слова неправды, зависти и вражды.

1. Итак, русская идея есть идея сердца.

Она утверждает, что главное в жизни есть любовь, и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви родится вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства: она отозвалась сердцем на Божие благовестие, на главную заповедь Божию, и уверовала, что „Бог есть Любовь“. Русское Православие есть христианство не столько от Павла, сколько от Иоанна, Иакова и Петра. Оно воспринимает Бога не воображением, которому нужны страхи и чудеса для того, чтобы испугаться и преклониться перед „силою“ (первобытные религии); не жадною и властною земною волею, которая в лучшем случае догматически принимает моральное правило, повинуется закону и сама требует повиновения от других (иудаизм и католицизм), не мыслью, которая ищет понимания и толкования и затем склонна отвергать то, что ей кажется непонятным (протестантство). Русское Православие воспринимает Бога любовью, воссылает Ему молитву любви и обращается с любовью к миру и к людям. Этот дух определил собою акт православной веры, православное богослужение, наши церковные песнопения и церковную архитектуру. Русский народ принял христианство не от меча, не по расчету, не страхом и не умственностью, а чувством, добротою, совестью и сердечным созерцанием. Когда русский человек верует, то он верует не волею и не умом, а огнем сердца. Когда его вера созерцает, то она не предается соблазнительным галлюцинациям, а стремится увидеть подлинное совершенство. Когда его вера желает, то она желает не власти над вселенною (под предлогом своего правоверия), а совершенного качества. В этом корень русской идеи. В этом ее творческая сила на века.

2. И при всем том, первое проявление русской любви и русской веры есть живое созерцание.

Созерцанию нас учило прежде всего наше равнинное пространство, наша природа с ее далями и облаками, с ее реками, лесами, грозами и метелями. Отсюда наше неутолимое взирание, наша мечтательность, наша созерцающая „лень“ (Пушкин), за которой скрывается сила творческого воображения. Русскому созерцанию давалась красота, пленявшая сердце, и эта красота вносилась во все — от ткани и кружева до жилищных и крепостных строений. От этого души становились нежнее, утонченнее и глубже; созерцание вносилось и во внутреннюю культуру — в веру, в молитву, в искусство, в науку и в философию. Русскому человеку присуща потребность увидеть любимое вживе и въяве и потом выразить увиденное — поступком, песней, рисунком или словом. Вот почему в основе всей русской культуры лежит живая очевидность сердца, а русское искусство всегда было — чувственным изображением нечувственно узренных обстояний. Именно эта живая очевидность сердца лежит и в основе русского исторического монархизма. Россия росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости или к политическому рабству, как думают многие на западе, но потому, что государство в его понимании должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице, — живом, созерцаемом, беззаветно любимом и всенародно „созидаемом“ и укрепляемом этой всеобщей любовью.

3. Но сердце и созерцание дышат свободно. Они требуют свободы, и творчество их без нее угасает. Сердцу нельзя приказывать любить, его можно только зажечь любовью. Созерцанию нельзя предписать, что ему надо видеть и что оно должно творить. Дух человека есть бытие личное, органическое и самодеятельное: он любит и творит сам, согласно слоим внутренним необходимостям. Этому соответствовало исконное славянское свободолюбие и русско-славянская приверженность к национально-религиозному своеобразию. Этому соответствовала и православная концепция Христианства: не формальная, не законническая, не „морализирующая“ но освобождающая человека к живой любви и к живому совестному созерцанию. Этому соответствовала и древняя русская (и церковная, и государственная) терпимость ко всякому иноверию и ко всякой иноплеменности. открывшая России пути к имперскому (не „империалистическому“) пониманию своих задач (см. замечательную статью проф. Розова: „Христианская свобода и Древняя Русь“ в № 10 ежегодника „День русской славы“, 1940,

Белград).

Эта русская идея созерцающей любви и свободной предметности — сама по себе не судит и не осуждает инородные культуры. Она только не предпочитает их и не вменяет их себе в закон. Каждый народ творит то, что он может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираться под чужими окнами. Россия имеет свои духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру: культуру сердца, созерцания, свободы и предметности. Нет единой общеобязательной „западной культуры“, перед которой все остальное — „темнота“ или „варварство“. Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства. Строение его духовного акта (или, вернее, — его духовных актов), может быть, и соответствует его способностям и его потребностям, но нашим силам, нашим заданиям, нашему историческому призванию и душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении ее сил на первичные и вторичные: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и приемлют от них свой закон. Так уже было в истории России. И это было верно и прекрасно. Так должно быть и впредь, но еще лучше, полнее и совершеннее.

1. Согласно этому — русская религиозность должна по-прежнему утверждаться на сердечном созерцании и свободе и всегда блюсти свой совестный акт. Русское Православие должно чтить и охранять свободу веры — и своей, и чужой. Оно должно созидать на основе сердечного созерцания свое особое православное богословие, свободное от рассудочного, формального, мертвенного, скептически слепого резонерства западных богословов; оно не должно перенимать моральную казуистику и моральный педантизм у Запада, оно должно исходить из живой и творческой христианской совести („к свободе призваны вы, братия“ [Гал. 5:13]), и на этих основах оно должно выработать восточно-православную дисциплину воли и организации.

2. Русское искусство — признано блюсти и развивать тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководилось доселе. Мы отнюдь не должны смущаться тем, что запад совсем не знает русскую народную песню, еле начинает ценить русскую музыку и совсем еще не нашел доступа к нашей

дивной русской живописи. Не дело русских художников (всех искусств и всех направлений) заботиться об успехе на международной эстраде и на международном рынке — и приспособляться к их вкусам и потребностям; им не подобает „учиться“ у запада — ни его упадочному модернизму, ни его эстетической бескрылости, ни его художественной беспредметности и снобизму. У русского художества свои заветы и традиции, свой национальный творческий акт: нет русского искусства без горящего сердца; нет русского искусства без сердечного созерцания; нет его без свободного вдохновения; нет и не будет его без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет это все, то будет и впредь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формою и ритмом.

3. Русская наука — не призвана подражать западной учености ни в области исследования, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое мировосприятие, свое исследовательство. Это совсем не значит, что для русского человека „необязательна“ единая общечеловеческая логика или что у его науки может быть другая цель, кроме предметной истины. Напрасно было бы толковать этот призыв, как право русского человека на научную недоказательность, безответственность, на субъективный произвол или иное разрушительное безобразие. Но русский ученый призван вносить в свое исследовательство начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести. Русский ученый призван вдохновенно любить свой предмет так, как его любили Ломоносов, Пирогов, Менделеев. Сергей Соловьев, Гедеонов. Забелин, Лебедев, князь Сергей Трубецкой. Русская наука не может и не должна быть мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения.

4. Русское право и правоведение должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности, от релятивизма и сервилизма. России необходимо новое правосознание, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и творчески содержательное по своей цели. Для того чтобы создать такое правосознание, русское сердце должно увидеть духовную свободу как предметную цель права и государства и убедиться в том, что в русском человеке надо воспитать свободную личность с достойным характером и предметною волею. России необходим новый государственный

строй, в котором свобода раскрыла бы ожесточенные и утомленные сердца, чтобы сердца по-новому прилепились бы к родине и по-новому обратились к национальной власти с уважением и доверием. Это открыло бы нам путь к исканию и нахождению новой справедливости и настоящего русского братства. Но все это может осуществиться только через сердечное и совестное созерцание, через правовую свободу и предметное правосознание».

«О ПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЮ»

«Зло начинается там, где начинается человек, и притом именно не человеческое тело во всех его состояниях и проявлениях как таковых, а человеческий душевно- духовный мир — это истинное местонахождение добра и зла. Никакое внешнее состояние человеческого тела само по себе, никакой внешний „поступок“ человека сам по себе, то есть взятый и обсуждаемый отдельно, отрешенно от скрытого за ним или породившего его душевно-духовного состояния, — не может быть ни добрым, ни злым».

«Человек духовен тогда и постольку, поскольку он добровольно и самодеятельно обращен к объективному совершенству, нуждаясь в нем, отыскивая его и любя его, измеряя жизнь и оценивая жизненное содержание мерою их подлинной божественности (истинности, прекрасности, правоты, любовности, героизма). Однако настоящую силу и цельность одухотворение приобретает только тогда, когда оно несомо полнотою (плеромою) глубокой и искренней любви к совершенству и его живым проявлениям. Без плеромы — душа, даже с верною направленностью, раздроблена, экстенсивна, холодна, мертва, творчески непродуктивна».

«Человек любовен тогда и постольку, поскольку он обращен к жизненному содержанию силою приемлющего единения, тою силою, которая устанавливает живое тождество между приемлющим и приемлемым, увеличивая до беспредельности объем и глубину первого и сообщая второму чувства прощенности, примиренности, достоинства, силы и свободы. Однако любовь приобретает настоящий предмет для своего единения и свою настоящую чистоту только тогда, когда она одухотворяется в своем направлении и избрании, то есть обращается к объективно-совершенному в вещах и в людях, приемля именно его и вступая в живое тождество именно с ним. Без духовности — любовь слепа, пристрастна, своекорыстна. Революция дала народу „право на бесчестие“ (Достоевский), и, соблазнив его этим „правом“, она начала свой отбор, делая ставку на „бесчестие“. Этим она расшатала народное правосознание, смешала „позволенное“ и „запретное“, перепутала „мое“ и „твое“, отменила все правовые межи и подорвала все социальные и культурные сдержки. Какой же „ведущий слой“ мог отобраться по этим признакам и в этой атмосфере?»

«…Тело человека не выше его души и не священнее его духа. Оно есть не что иное, как внешняя явь его внутреннего существа

или, что то же, овеществленное бытие его личности.

Тело человека укрывает за собою и его дух, и его страсти, но укрывает их так, что телесно обнаруживает их, как бы высказываясь на другом, чувственно внешнем языке; так, что прозорливый глаз может как бы прочесть душевную речь человека за органическою аллегориею (буквально: иносказанием) его внешнего состава и его внешних проявлений».

«Человек гибнет не только тогда, когда он беднеет, голодает, страдает и умирает; а тогда, когда он слабеет духом и разлагается нравственно и религиозно; не тогда, когда ему трудно жить или невозможно поддерживать свое существование, а тогда, когда он живет унизительно и умирает позорно; не тогда, когда он страдает или терпит лишения и беды: а когда он предается злу».

«По самой природе своей добро и зло имеют душевно-духовную природу, и „местонахождением“ их является человеческая душа. Поэтому борьба добра со злом есть процесс душевно-духовный; побеждает тот, кто превращает его в добро, то есть из глубины преображает слепоту в духовную зрячесть, а силу каменеющей ненависти в благодатность приемлющей любви».

«Любовь, взятая сама по себе, независимо от духа, его предмета, его цели и его заданий — есть начало слепой страсти. Она сочетает в себе силу влечения с духовной беспомощностью, закономерность инстинкта с духовной случайностью, биологическую здоровую безошибочность с духовной неразборчивостью и удобопревратностью. Любовь сама по себе есть жажда и голод; но жажда и голод не предусматривают сами по себе ни качества питья, ни достоинства пищи. Любовь есть некая открытость души, но в открытую душу может невозбранно вступить и то, что недостойно любви. Любовь есть влечение и сила; но как часто влечение совлекает, а сила растрачивается впустую или внутренне разлагается в погоне за ложной целью… Любовь есть приятие, но далеко не все приятное — духовно приемлемо. Любовь есть сочувствие, но все ли заслуживает его? Любовь есть как бы некое умиленное пение из глубины; но глубина неодухотворенного инстинкта может умилиться на соблазн и петь от наслаждения грехом. Любовь есть способность к единению и отождествлению с любимым; но единение на низменном уровне истощает и постепенно угашает эту самую способность, а отождествление со злом может поглотить и извратить благодатность любви. Любовь есть творчество, но разве безразлично, что именно творит творящий?»

«Настоящая любовь есть связь духа с духом. А потом уже и в эту меру — все остальное: связь души с душою и тела с телом, но

именно постольку это уже не просто связь душ и тел, а духовная связь одухотворенных душ и духом освященных тел. Настоящая любовь связывает любящего не со всем существующим и живущим, без различия, но только с божественным во всем, что есть и живет, именно с искрою, с лучом, с прообразом и ликом».

«Единственная, неизменная функция духовной любви — это „благожелательство“; это значит, что она всегда и всем искренно желает не удовольствия, не наслаждения, не удачи, не счастья и даже не отсутствия страданий, — а духовного совершенства, даже тогда, когда его можно приобрести только ценою страданий и несчастия».

«Сопротивление злу творится любовью, но не к животности человека и не к его обывательской „душевности“, а к его духу и духовности: любовью, которая умеет любить и душу человека, и все его земное естество, но в меру их духовной освященности и проникнутости. Ибо она сознательно и бессознательно воспринимает человека и измеряет его сокровенно живущими в духе мерилами совести, достоинства, чести, искренности, патриотизма, правоты перед лицом Божиим; и потому неизменно повертывается своим отрицающим ликом ко всему бессовестному, унизительному, бесчестному, фальшивому, предательскому, богомерзкому».

«ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ»

«Революция дала народу „право на бесчестие“ (Достоевский), и, соблазнив его этим „правом“, она начала свой отбор, делая ставку на „бесчестие“. Этим она расшатала народное правосознание, сметала „позволенное“ и „запретное“, перепутала „мое“ и „твое“, отменила все правовые межи и подорвала все социальные и культурные сдержки. Какой же „ведущий слой“ мог отобраться по этим признакам и в этой атмосфере?

Пришли новые люди, презирающие законность, отрицающие права личности, жаждущие захватного обогащения, лишенные знания, опыта и умений; полуграмотные выдвиженцы, государственно-неумелые „нелегальщики“ (выражение Ленина), приспособившиеся к коммунистам преступники.

Революция узаконила уголовщину и тем самым обрекла себя на неудачу. Революция превратила разбойника в чиновника и заставила свое чиновничество править разбойными приемами. Вследствие этого политика пропиталась преступностью, а преступность огосударствилась.

Шли годы. На этих основах сложилось и окрепло новое коммунистическое чиновничество: запутанное и раболепно-льстивое перед лицом власти, пронырливое, жадное и вороватое в делах службы, произвольное и беспощадное в отношении к подчиненным и к народу; во всем трепещущее, шкурное, пролганное, привыкшее к политическому доносу и отвыкшее от собственного, предметного и ответственного суждения; готовое вести свою страну по приказу сверху — на вымирание и на погибель. И все неудачи революции объясняются не только противоестественностью ее программы и ее планов, но и несостоятельностью отобранного ею слоя.

Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, русский народ увидит себя без ведущего слоя. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса. Прежняя, дореволюционная элита распалась, погибла или переоделась; и то, что он не сохранится, будет лишь скудным, хотя и драгоценным остатком былого национально-исторического достояния. А революционный отбор должен будет отчасти совсем отпасть ввиду своей несостоятельности и неисправимости: отчасти же измениться к лучшему как бы на ходу. То, в чем Россия будет нуждаться прежде всего и больше всего, — будет новый ведущий слой.

Эта новая элита, новая русская национальная интеллигенция должна извлечь все необходимые уроки из всероссийского революционного крушения. Мало того, она должна осмыслить русское историческое прошлое и извлечь из него заложенный в нем „разум истории“. А история учит нас многому.

1. Прежде всего ведущий слой не есть ни замкнутая „каста“, ни наследственное или потомственное „сословие“. По составу своему он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся новыми, способными людьми и всегда готовое освободить себя от неспособных. Это есть старое и здоровое русское воззрение. Его выдвинули еще Иоанн Грозный, осознавший необходимость нового отбора, но трагически исказивший и погубивший его в „опричнине“. К этому воззрению вернулся Петр Великий, выдвинувший на первые и непервые места государства новых людей, начиная от Меншикова и Лефорта, Шафирова и Ягужинского и кончая своими, командированными за границу учениками. С тех пор эта традиция дала России Ломоносова и целые плеяды славных ученых; гениального скульптора Федота Шубина и длинный ряд славных художников из народа: ряд блестящих деятелей екатерининской эпохи — Сперанского, Скобелева, Витте, Губонина. Савву Мамонтова, Третьякова. Лавра Корнилова и его сподвижников.

Здесь есть некое общее правило: человека чести и ума, таланта и сердца не спрашивают о его „предках“, ибо он сам есть „предок“ для грядущего потомства. Качественный, духовный заряд, присущий человеку, выдвигает его на первые места, независимо от его родословной. Потомственная традиция честности, храбрости и служения есть великая вещь, но она не может сделать глупца умным, а безвольного человека призванным организатором жизни. Мы все — от правителя до простого обывателя — должны научиться узнавать людей качественно-духовного заряда и всячески выдвигать их, „раздвигаясь“ для них; только так мы сможем верно пополнять нашу национальную элиту во всех областях жизни. Это требование есть не „демократическое“, как принято думать, а нравственно-патриотическое и национально-государственное. Только так мы воссоздадим Россию: дорогу честности, уму и таланту!..

2. Принадлежность к ведущему слою — начиная от министра и кончая мировым судьею, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем — есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности. Это не есть ни „легкая и веселая жизнь“, ни „почивание на лаврах“. Темному, необразованному человеку

простительно думать, будто „настоящая“ работа есть именно телесная, и только телесная, а всякий душевно-духовный труд есть „притворство“ и „тунеядство“; но человек духовного или интеллектуального труда не имеет права поддаваться этому воззрению. В свое время ему поддались русские народники; перед ним склонился Л.Н.Толстой, надсмеявшийся над духовным трудом в своей революционно- демагогической сказке „Об Иване-дураке“. Призыв Толстого к „опрощению“ был не только протестом против излишней роскоши (что было бы естественно), но и отрицанием всякого „не-физического“ труда. Это воззрение заразило постепенно широкие круги интеллигенции. „Кающийся барин“ не сумел найти меру для своего „покаяния“, он не только стал корить себя за недостаточную склонность к братской справедливости, но заразился культурным нигилизмом в вопросах права, государства, собственности, науки и искусства. Этим была в значительной мере подготовлена большевицкая революция с ее уравнительством в вопросах жилища, питания, одежды, образования и имущества: „уравнивать“ и „упрощать“ — значит снижать уровень и подрывать культуру.

Вести свой народ есть не привилегия, а обязанность лучших людей страны. Эта обязанность требует от человека не только особых природных качеств, подготовки и образования, но и особого рода жизни в смысле досуга, жилища, питания и одежды. Это люди иной душевной и нервной организации, люди духовной сосредоточенности, люди иных потребностей и вкусов, иного жизненного напряжения и ритма. Мыслителю и артисту нужна тишина. Ученому и судье необходима библиотека. Чиновник должен быть обеспечен и независим от управляемых обывателей и т. д. Если это — „привилегия“, то привилегия, вознаграждающая за высший труд и обязывающая к качественному служению. Этой „привилегии“ нечего стыдиться; ее надо принимать с достоинством и ответственностью, не позволяя предрассудку и зависти вливать в душу свою отраву.

Ранг в жизни необходим и неизбежен. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость к себе у того, кто выше, и беззавистная почтительность у того, кто ниже. Только этим верным чувством ранга воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

3. Вместе с тем в России должна быть искоренена дурная традиция „кормления“, то есть частного наживания на публичной должности. Государственный чиновник, так же как и служащий земского или городского самоуправления, должен довольствоваться получаемым им окладом (жалованием) и не

пополнять его никакими „прибытками“ или „поборами“ с обслуживаемого им населения. Время, когда государственный центр раздавал должности на „кормление“, — время удельно-феодальное и, далее, сословно-крепостное — прошло безвозвратно. Воевода, живущий поборами („земля любит навоз, а воевода принос“); судья, торгующий приговором и презирающий закон („хочу — по нем сужу, хочу — на нем сижу“), чиновник-взяточник и растратчик („казна — шатущая корова, не доит ее один ленивый“) — все эти больные и кривые явления русской истории были в небывалом размере воскрешены русской революцией и должны окончательно угаснуть вместе с нею. Революционная всепродажность, революционная растрата, повальное революционное хищение объясняются тем изъятием собственности и тем хозяйственно-бюрократическим бедламом, которые осуществлялись самой революцией: люди, ограбленные ею, возвращали себе отнятое всюду, где могли, и не считали такое „самовознаграждение“ зазорным. Психологически — это понятно; но по существу — это есть деморализация и расхищение государства.

Публичные должности, от самой малой до самой большой, должны давать человеку удовлетворяющее его вознаграждение и должны переживаться им не как „кормление“, а как служение. Человек, не удовлетворяющийся законным жалованием, не имеет права брать соответствующую должность. Человек, взявший публичную должность, не имеет права пользоваться ею для частной наживы. Конец взятке, растрате и всякой продажности! Только этим возродим Россию.

4. Далее, одна из основных опасностей ведущего слоя состоит в слишком высокой оценке государственной власти, ее значения и призвания. Государственная власть имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть власть, извне подходящая к человеку, предписывающая и воспрещающая ему независимо от его согласия или несогласия и угрожающая ему наказанием. Это означает, что все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться. Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество. Оно не может предписывать оказательства чувств или воззрений. Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт. Оно не должно без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей.

Ведущий слой призван вести, а не гнать, не запугивать, не

порабощать людей. Он призван чтить и поощрять свободное творчество ведомого народа. Он не командует (за исключением армии), а организует, и притом лишь в пределах общего и публичного интереса. Вести можно только свободных, погонщики нужны только скоту, надсмотрщики нужны только рабам. Лучший способ вести есть живой пример. Авантюристы, карьеристы и хищники не могут вести свой народ, а если поведут, то приведут только в яму. Государственное водительство имеет свои пределы, которые определяются, во-первых, достоинством и свободой личного духа, во-вторых, самодеятельностью творческого инстинкта человека. Конец террору как системе правления! Конец тоталитарному всевелению и всеприсутствию! России нужна власть, верно блюдущая свою меру.

5. К этому необходимо добавить, что новый русский отбор должен строить Россию не произволом, а правом. Будут законы и правительственные распоряжения. Эти законы должны соблюдаться и исполняться самими чиновниками, ибо чиновник есть первый, кого закон связывает. Представление о том, что этот закон вяжет обывателя и разнуздывает произвол правителя, много раз осужденное в русских народных пословицах, но возрожденное советской революцией, должно отпасть навсегда. Закон связывает всех: и государя, и министра, и полицейских, и судью, и рядового гражданина. От закона есть только одно „отступление“: по совести, в сторону справедливости, с принятием на себя всей ответственности. Формально-буквенное, педантически-мертвенное применение закона есть не законность, а карикатура на нее. „Крайняя законность“ никогда не должна превращаться в „крайнюю несправедливость“. Или, по русским пословицам: „Не всякий прут по закону гнут“, а „милость творить — с Богом говорить“.

Это означает, что всякое применение закона требует беспристрастного жизненного наблюдения (интуиция факта) и беспристрастного решающего усмотрения (интуиция права). Мало закона. Надо видеть живое событие. И далее, надо видеть сквозь закон: 1) намерение законодателя и 2) высшую цель права (свобода, мир, справедливость). Поэтому всякое применение закона предполагает в душе применяющего чиновника — живое творческое правосознание (правовое разумение и правовую совесть). И вот в этой сфере не должно быть места никакой корысти, никакой кривизне или, как выражала это русская летопись, — никакому „воровству“ и „малодушию“: ни взятке, ни косвенной личной выгоде, ни классовому интересу, ни родству, ни льстивому прислуживанию, ни потачке, ни укрывательству, — словом, ничему тому, от чего стонала дореформенная Россия, с

чем так успешно боролся пореформенный (после 1864 года) правопорядок и что расцвело цветами позора и скандала в эпоху революции.

Грядущей России нужен не произвол, не самодурство и не административная продажность, а правопорядок, утверждаемый живым и неподкупным правосознанием. Правило этого правосознания выражено в старом русском поэтическом присловье.

Чтобы твоим судом другим не сделать лиха.
О деле рассуждай, когда в тебе все тихо.
И то — с молитвою всегда.
Чтоб просветлил тебя Господь… А то беда:
Без умысла невинного придавишь
И после дела не поправишь…

6. Далее, новая русская элита в деле правления должна блюсти и крепить авторитет государственной власти. Невозможно строить правопорядок без этого авторитета. Он пошатнулся еще при императорском правительстве; он был расшатан и подорван при Временном правительстве; он был опять восстановлен, правда в формах противоправных, свирепых и унизительных, советскою властью. Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях; на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней. Необходимо помнить, что этот авторитет есть всенародное, исторически накапливающееся достояние. Он слагается из поколения в поколение; он живет в душах незримо, но определяюще; он призван служить орудием национального спасения. Революция сначала расшатала, а потом скомпрометировала его кровью, партийно-классовым режимом и тоталитарностью коммунистического строя. И вот борьба за грядущую Россию окажется борьбой за новый авторитет новой национально- русской власти, ибо безавторитетная власть не оборонит и не возродит Россию.

7. Все эти требования и условия будут, однако, несовершенны и неопределяющи, если не будет соблюдено последнее. Новый русский отбор должен быть одушевлен творческой национальной идеей.

Безыдейная интеллигенция не нужна народу и государству и не может вести его… Да и куда она приведет его, сама блуждая в темноте и в неопределенности? Но прежние идеи русской

интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революций и войн. Ни идея „народничества“, ни идея „демократии“, ни идея „социализма“, ни идея „империализма“, ни идея „тоталитарности“ — ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужна новая идея — религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию».

«Демонизм и сатанизм — не одно и то же. Демонизм есть дело человеческое, сатанизм есть дело духовной бездны. Демонический человек предается своим дурным страстям и может еще покаяться и обратиться: но человек, в которого, по слову Евангелия, „вошел сатана“, — одержим чуждой, внечеловеческой силой и становится сам человекообразным дьяволом. Демонизм есть преходящее духовное помрачение, его формула: „жизнь без Бога“; сатанизм есть полный и окончательный мрак духа, его формула: „низвержение Бога“. В демоническом человеке бунтует необузданный инстинкт, поддерживаемый холодным размышлением; сатанический человек действует как чужое орудие, служащее злу, но способное наслаждаться своим отвратительным служением. Демонический человек тяготеет к сатане; играя, наслаждаясь, мучаясь, вступая с ним (по народному поверью) в договоры, он постепенно становится его удобным жилищем; сатанический человек утратил себя и стал земным инструментом дьявольской воли. Кто не видал таких людей или, видя, не узнал их, тот не знает исконно завершенного зла и не имеет представления о подлинно дьявольской стихии».

«ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ. КНИГА ТИХИХ СОЗЕРЦАНИЙ»

«Кто-то жил, любил, страдал и наслаждался; наблюдал, думал, желал — надеялся и отчаивался. И захотелось ему поведать нам о чем-то таком, что для всех нас важно, что нам необходимо духовно увидеть, прочувствовать, продумать и усвоить. Значит — что-то значительное о чем-то важном и драгоценном. И вот он начинал отыскивать верные образы, ясно-глубокие мысли и точные слова. Это было не легко, удавалось не всегда и не сразу. Ответственный писатель вынашивает свою книгу долго; годами, иногда — всю жизнь; не расстается с нею ни днем, ни ночью: отдает ей свои лучшие силы, свои вдохновенные часы; „болеет“ ее темою и „исцеляется“ писанием. Ищет сразу и правды, и красоты, и „точности“ (но слову Пушкина), и мерного стиля, и верного ритма, и все для того, чтобы рассказать, не искажая, видение своего сердца… И, наконец, произведение готово. Последний просмотр строгим, зорким глазом; последние исправления — я книга отрывается, и уходит к читателю, неизвестному, далекому; может быть, — легковесно- капризному, может быть, — враждебно-придирчивому… Уходит — без него, без автора. Он выключает себя и оставляет читателя со своею книгою „наедине“».

«Есть только одно истинное „счастье“ на земле — пение человеческого сердца. Если оно поет, то у человека есть почти все; почти, потому что ему остается еще позаботиться о том, чтобы сердце его не разочаровалось в любимом предмете и не замолкло».

«Если бы люди были действительно равны, то есть одинаковы телом, душою и духом, то жизнь была бы страшно проста и находить справедливость было бы чрезвычайно легко. Стоило бы только сказать: „одинаковым людям — одинаковую долю“ или „всем всего поровну“ — и вопрос был бы разрешен. Тогда справедливость можно было бы находить арифметически и осуществлять механически; и все были бы довольны, ибо люди и в самом деле были бы, как равные атомы, как механически перекатывающиеся с места на место шарики, до неразличимости одинаковые и внутренне и внешне. Что может быть наивнее, упрощеннее и пошлее этой теории? Какое верхоглядство — или даже прямая слепота — приводят людей к подобным мертвым и вредным воззрениям? После французской революции прошло 150 лет. Можно было бы надеяться, что этот слепой

материалистический предрассудок отжил давно свой век. И вдруг он снова появляется, завоевывает слепые сердца, торжествует победу и обрушивает на людей целую лавину несчастья…

На самом деле люди неравны, от природы и не одинаковы ни телом, ни душою, ни духом. Они родятся существами различного пола; они имеют от природы неодинаковый возраст, неравную силу и различное здоровье; им даются различные способности и склонности, различные влечения, дары и желания; они настолько отличаются друг от друга телесно и душевно, что на свете вообще невозможно найти двух одинаковых людей. От разных родителей рожденные, разной крови и наследственности, в разных странах выросшие, по-разному воспитанные, к различным климатам привыкшие, неодинаково образованные, с разными привычками и талантами — люди творят не одинаково и создают неодинаковое и неравноценное. Они и духовно не одинаковы: все они — различного ума, различной доброты, несходных вкусов; каждый со своими воззрениями и со своим особым правосознанием. Словом, они различны во всех отношениях. И справедливость требует, чтобы с ними обходились согласно их личным особенностям, не уравнивая неравных и не давая людям необоснованных преимуществ. Нельзя возлагать на них одинаковые обязанности: старики, больные, женщины и дети не подлежат воинской повинности. Нельзя давать им одинаковые права: дети, сумасшедшие и преступники не участвуют в политических голосованиях. Нельзя взыскивать со всех одинаково: есть малолетние и невменяемые, с них взыскивается меньше; есть призванные к власти, с них надо взыскивать строже и т. д. И вот, кто отложит предрассудки и беспристрастно посмотрит на жизнь, тот скоро убедится, что люди неравны от природы, неравны по своей силе и способности, неравны и по своему социальному положению; и что справедливость не может требовать одинакового обхождения с неодинаковыми людьми; напротив, она требует неравенства для неравных, но такого неравенства, которое соответствовало бы действительному неравенству людей».

«Любовь только тогда освобождает, когда человек воспринимает в человеке сына Божия, страдающего, одолевающего и очищающегося страданием. Каждый из нас есть Божие дитя, странствующее по земле в образе человеческой твари. Но именно человеческая тварность возлагает на каждого из нас тот способ земной жизни, со всеми его несовершенствами, трудностями и противоречиями, который неизменно и непременно присущ каждому человеку. Поэтому каждый из нас должен спокойно, достойно и терпеливо принимать все

обусловленные этим боли и страдания, „нести свой крест“ и учиться творческому преодолению посланного. Нам не следует приходить в чрезмерный ужас при виде страдающей твари. Нам не подобает спасаться любой ценой от боли и горя. Мы должны постигнуть необходимость страдания, его высшую духовную целесообразность и одухотворяющую силу, и раз навсегда усвоить его мировой смысл».

«Все ничтожные мелочи нашего существования — все эти несчастья, низменные и пустые „обстоятельства“ жизни, которые желают иметь „вес“ и „значение“, а на самом деле лишены всякой высшей существенности: все эти праздные, беспризорные жизненные содержания, несущиеся на нас непрерывным потоком, все эти засыпающие нас пошлости, которые претендуют па наше время и на наше внимание, которые раздражают нас, возбуждают и разочаровывают, развлекают, утомляют и истощают — все это пыль, злосчастная и ничтожная пыль жизни… И если мы не сумеем избавиться от нее и будем жить ею, отдавая ей пламя нашего существа; если мы не воспитаем в себе лучшего вкуса и не противопоставим ей более сильную и благородную глубину духа, то пошлость поглотит нас: наши жизненные деяния утратят высший смысл, станут бессмысленными и безответственными: наш жизненный уровень станет низменным; наша любовь станет капризною, не чистою и нетворческою; наши поступки станут случайными, неверными, предательскими — и дух наш задохнется в пыли бытия…

Тогда наша жизнь окажется поистине „даром напрасным, даром случайным“ (Пушкин); она утратит свой смысл и свое священное измерение. Человек, доживший до этого, блуждает как бы в тумане и видит, по слову Платона, лишь пустые тени бытия. Занесенный прахом, он сам поднимает прах, целые облака пыли, и именно поэтому он, по слову епископа Беркли, из-за поднятой им пыли не видит солнца. А когда им овладевают страсти, то влага этих страстей, смешиваясь с прахом его ничтожной жизни, становится липкой грязью, которою он и наслаждается, по слонам Гераклита…»

«Когда я встречаюсь в жизни с настоящею ненавистью ко мне, то во мне просыпается прежде всего чувство большого несчастья, потом огорчение и ощущение своего бессилия, а вслед за тем я испытываю настойчивое желание уйти от своего ненавистника, исчезнуть с его глаз, никогда больше с ним не встречаться и ничего о нем не знать. Если это удается, то я быстро успокаиваюсь, но потом скоро замечаю, что в душе осталась какая-то удрученность и тяжесть, ибо черные лучи его ненависти все- таки настигают меня, проникая ко мне через общее эфирное

пространство. Тогда я начинаю невольно вчувствоваться в его ненавидящую душу и вижу себя в ее черных лучах — их объектом и жертвою. Это ощущение трудно выдерживать подолгу. Его ненависть есть не только его несчастье, но и мое, подобно тому, как несчастная любовь составляет несчастье не только любящего, но и любимого. От его ненависти страдает не только он, ненавидящий, но и я — ненавидимый. Он уже унижен своим состоянием, его человеческое достоинство уже пострадало от его ненависти; теперь это унижение должно захватить и меня. На это я не могу дать согласия. Я должен взяться за это дело, выяснить его, преодолеть его и постараться преобразить и облагородить эту больную страсть. В духовном эфире мира образовалась рана; надо исцелить и зарастить ее».

«Настоящее чтение не сводится к бегству напечатанных слов через сознание; оно требует сосредоточенного внимания и твердого желания верно услышать голос автора. Одного рассудка и пустого воображения для чтения недостаточно. Надо чувствовать сердцем и созерцать из сердца. Надо пережить страсть — страстным чувством; надо переживать драму и трагедию живою волею; в нежном лирическом стихотворении надо внять всем вздохам, встрепетать своею нежностью, взглянуть во все глуби и дали, а великая идея может потребовать не более и не менее как всего человека.

Это означает, что читатель призван верно воспроизвести в себе душевный и духовный акт писателя, зажить этим актом и доверчиво отдаться ему. Только при этом условии состоится желанная встреча между обоими и читателю откроется то важное и значительное, чем болел и над чем трудился писатель. Истинное чтение есть своего рода художественное ясновидение, которое призвано и способно верно и полно воспроизвести духовные видения другого человека, жить в них, наслаждаться ими и обогащаться ими. Искусство чтения побеждает одиночество, разлуку, даль и эпоху. Это есть сила духа — оживлять буквы, раскрывать перспективу образов и смысла за словами, заполнять внутренние „пространства“ души, созерцать нематериальное, отождествляться с незнаемыми или даже умершими людьми и вместе с автором художественно и мыслительно постигать сущность богозданного мира.

Читать — значит искать и находить: ибо читатель как бы отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей его полноте и присвоить его себе. Это есть творческий процесс, ибо воспроизводить — значит творить. Это есть борьба за духовную встречу; это есть свободное единение с тем, кто впервые приобрел и закопал искомый клад. И тому, кто никогда

этого не добивался и не переживал, всегда будет казаться, что от него требуют „невозможного“»

ИЗ СТАТЬИ «ЗАВИСТЬ КАК ИСТОЧНИК БЕДСТВИЙ»

«Социализм по самой природе своей завистлив, тоталитарен и террористичен; а коммунизм отличается от него только тем, что он проявляет эти особенности открыто, беззастенчиво и свирепо».

«Понятно, как воздействует на рост социальной зависти технический прогресс. Невозможное становится возможным; пространство побеждается; воздух завоевывается; комфорт избаловывает людей; развлечения умножаются и принимают все новые формы: претенциозность и зависть все возрастают; а демократический строй поощряет людское самомнение, переоценку своей особы и склонность не брезгать никакими путями и средствами дли достижения желанного».

«Жажда наслаждений растет, а с нею вместе и воля к богатству и власти. Трезвые удержи слабеют, мудрая мера утрачивается, порок не отталкивает; современный человек верит в свою окончательную смертность: но не верит в свое бессмертие и в вечную жизнь; и самая молодость кажется ему кратким и непрочным даром. Поэтому он торопится; ему „некогда“. Обманчивые радости естества кажутся ему главными или даже единственными».

Основные сочинения И.А.Ильина

Аксиомы религиозного опыта (1953).

Арфа царя Давида в русской поэзии (1960).

Всенощное бдение (1927).

Загадка жизни и происхождение живых существ (1929).

Кризис идей субъекта в наукоучении Фихте старшего (1925).

Наши задачи (1956).

О сопротивлении злу силою (1925).

О сущности правосознания (1956).

О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев (1959).

Основы борьбы за национальную Россию (1938).

Преподобный Серафим Саровский (1925).

Путь духовного обновления (1935).

Путь к очевидности (1993).

Религиозный смысл философии (1924).

Родина и мы (1926).

Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека (1918).

Шесть дней творения (1930).

Книги об И.А.Ильине

Гулыга А.В. Путь к очевидности // Творцы русской идеи / А.В.Гулыга. М., 2006.

Евлампиев И.И. Философские и правовые взгляды Ивана Александровича Ильина // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. М., 1992.

Евлампиев И.И. «Драма творящего духа»: Бог и человек в философии Ивана Ильина // Ступени. СПб., 1992.

Лисица Ю.Т. Иван Александрович Ильин как правовед и государствовед // ВФ, 1991.

Лисица Ю.Т. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк // Собрание сочинений: В 10 т. / И.А.Ильин. М, 1993. Т. 1.

Оффермане В. Дело жизни русского религиозного философа Ивана Ильина — обновление духовных основ человечества // Erlangen, 1979.

Полторацкий Н.П. Русские зарубежные писатели в литературно-философской критике Ивана Александровича Ильина //Рус. литература в эмиграции. Питтсбург, 1972.

Полторацкий К.П. Ильин Иван Александрович: жизнь, труды, мировоззрение. Нью- Йорк, 1989.

ИМЕННОЙ СЛОВАРЬ

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) — русский религиозный философ. В 1922 году выслан из Советской России. Во Франции издавал религиозно-философский журнал «Путь» (с 1920 г. по 1940 г.). Основа его учения: свобода, дух, личность, творчество противопоставлены необходимости, миру объектов, в котором царствует зло, страдание, рабство.

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — религиозный философ, теолог, православный богослов, экономист. Развил учение о «премудрости Божьей», которая, проявляясь в мире и человеке, делает их причастными Богу.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) — немецкий философ, создавший систематическую теорию диалектики.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) — русская писательница, поэт. Идеолог русского символизма — направления в искусстве, основанного на выражении посредством символа интуитивно постигаемых сущностей в идеи, смутных, часто изощренных чувств и видений.

Гуссерль Эдмунд (1859–1938) — немецкий философ, основатель феменологии. Основная задача учения: обнаружение изначального опыта сознания путем феменологической редукции, состоящей в исключении каких-либо утверждений о бытии и достижении последнего, неразложимого средства сознания — направленности на предмет.

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — военный деятель, генерал-лейтенант. В Первую мировую войну командовал бригадой, дивизией, корпусом; в 1917 году начальник штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующий Западным и Юго-Западным фронтами. Один из руководителей Белого движения. С апреля 1920 года и эмиграции.

Зиммель Георг (1853–1918) — немецкий философ, социолог, представитель философии жизни, учения, в основе которого лежит понятие «жизнь», трактуемое как некая интуитивно-постигаемая органичная целостность и творческая динамика бытия.

Кант Иммануил (1724–1804) — родоначальник немецкой классической философии.

Карсавин Лев Платонович (1882–1952) — российский религиозный философ, историк средневековой культуры. Разрабатывал целостную систему христианского миросозерцания. В 1922 году выслан из Советской России, преподавал в Каунасе и Вильнюсе. Репрессирован в 1948 году, умер в лагере.

Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — философ, один из крупнейших представителей интуитивизма и персонализма в России. Главной задачей философии считал построение «теории о мире как едином целом» на основе прежде всего религиозного опыта.

Милюков Павел Николаевич (1859–1945) — российский политический деятель, историк, публицист, лидер партии кадетов.

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) — русский философ, правовед, профессор Московского университета.

Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943) — композитор, пианист, дирижер. Наследник и продолжатель традиций русской музыкальной классики, народных традиций.

Риккерт Генрих (1863–1936) — немецкий философ, один из основателей школы неокантианства. В своем учении сводил бытие к человеческому сознанию. Философию трактовал как учение о ценностях души и разума.

Руссо Жан-Жак (1712–1778) — французский писатель и философ. Представитель сентиментализма. В основе его философских идей — культ природы и естественности, идеализация «прекрасной души», критика городской культуры и цивилизации, предпочтение сердца разуму.

Соловьев Владимир Сергеевич (1859–1900) — русский религиозный философ, поэт, публицист. Проповедовал идеал всемирной теократии.

Тихонравов Николай Саввич (1832–1893) — русский литературовед, археограф, автор работ по истории общественной мысли.

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) — князь, российский религиозный философ, правовед. Стремился согласовать учение Вл. Соловьева о «всеединении» с ортодоксальной христианской доктриной.

Фихте Старший Иоганн Готлиб (1762–1814) — немецкий философ, представитель школы классической философии. В основе его учения — понятие о науке как о деятельности безличного всеобщего «самосознания». «Я», полагающего своей противоположностью мир объектов, «не-Я».

Шлейермахер Фридрих (1768–1834) — немецкий протестантский богослов, философ. Определял религию как внутреннее переживание, чувство «зависимости» от бесконечного.

Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950) — русский писатель. Через все творчество Шмелева проходит тема русской религиозности, благочестия, неприятия нравственного распада и кровопролития — спутников революции.

Шопенгауэр Артур (1788–1860) — немецкий философ, представитель волюнтаризма. Сущность мира он понимал как неразумную волю, слепое, бесцельное влечение к жизни. «Освобождение» от мира достигается в состоянии, близком буддистской нирване путем сострадания, бескорыстного эстетического созерцания и аскетизма.

notes

Примечания

1

Особый вклад в возрождение идей Ильина и памяти о нем внес российский актер и кинорежиссер Никита Михалков.

2

Герцык Е. Воспоминания. Париж, 1973. С. 153.

3

Leistung (нем.) — строго, основательно выполненная работа.

4

Порядок или беспорядок? М.: Изд-во «Народное право». 1917, Сер. «Задачи момента». № 3. С. 4–5.

5

Основные задачи правоведения в России // Русская мысль. Кн. VIII–II. Прага. 1992. С, 162–188.

6

Центральный архив КГБ СССР, дело № 15778. Архив Н-1554, л.-15.

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы: Учебное пособие. М., 1999. С. 77.

8

Перевод А.Гулыги

9

Iljin I. Die Philosophie Hegels als kontenplative gotteslehre. Bern, 1946. S. 9/

10

Гулыга А.В. Творцы русской идеи. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 229.

11

Цит. по: Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин. Тенефляй,1989.С.64

12

Цит. по: Полторацкий Н.Иван Александрович Ильин. Тенефляй, 1989. С. 64.

Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. М., 2006.